

Roger PORTAL

RUSSES ET BAČKIRS

AUX XVIIe ET XVIIIe SIÈCLES

(1662-1798)

Роже ПОРТАЛЬ

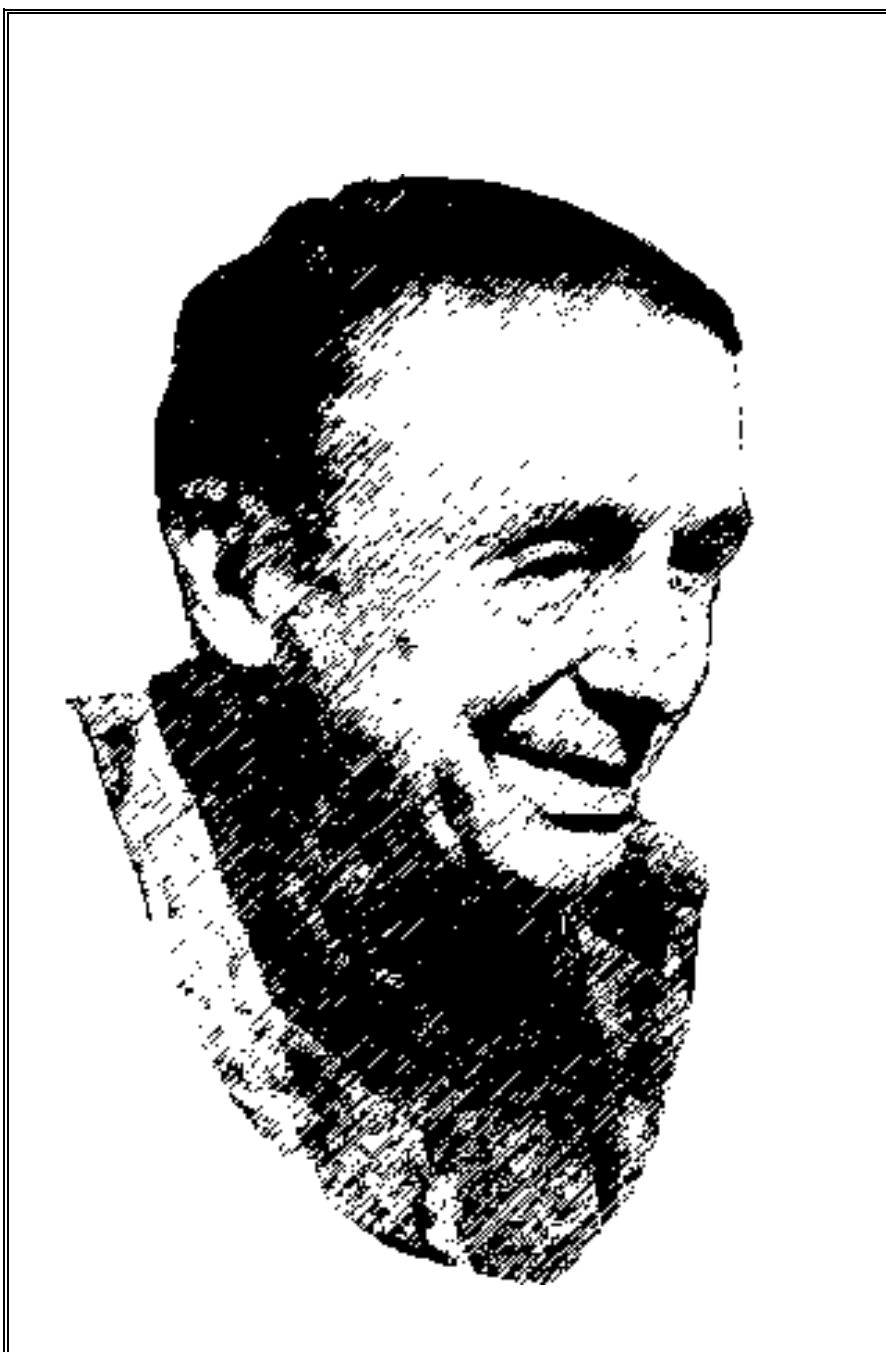
РОССИЯ И БАШКИРЫ

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

(1662-1798 ГГ.)

**Неопубликованная рукопись 1949 г.
из архива Института славяноведения в Париже**

**Перевод с французского
кандидата филологических наук Лилии
САХИБГАРЕЕВОЙ**

**профессор
истории и цивилизации славян**

**Роже-Антонэн-Робер
ПОРТАЛЬ**

(6.05.1906 – 30.12.1994)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Башкиры – немногочисленная народность Советского Союза. Составляя (по данным 1934 г.) не более четверти населения Башкирской республики (800000 человек), они живут бок о бок с русскими переселенцами (на сегодняшний день это наиболее значительная часть населения Башкирии), татарами и мордвой, которые начали проникать сюда со Среднего Поволжья еще в XVII в.

Несмотря на это, башкиры относятся к числу тех этносов, которые сыграли в истории России очень значительную роль, в основном благодаря стратегической важности своей территории. Занимая бассейн реки Белой и расселившись на севере до Перми, а на северо-востоке – до Исети, башкиры во второй половине XVI – XIX в., т.е. до завершения русской экспансии в Среднюю Азию, были приграничным с Россией народом. В XVIII в. они тесно соприкасались с близкими по происхождению, языку и религии степными этносами.

В отличие от вогулов, мордвы, татар и черемисов башкиры не были российским анклавом. Они занимали как бы коридор между русскими и народами Средней Азии. У русского правительства были вполне нормальные отношения с башкирскими вождями, поскольку в то время оно старалось избегать с ними и с Туркестаном военных конфликтов и торговых контактов.

Башкирия – это часть Урала, региона, который в XVIII в. и по числу и по значимости имевшихся там горных заводов не имел аналогов в Европе. Промышленное освоение привело к тому, что начиная с 1750 г. в бассейне Белой стали возникать горные заводы (главным образом медеплавильные), куда началось массовое переселение людей. В почти безлюдную Башкирию, населенную полукочевыми скотоводами на юге и полuosедлыми охотниками и сборщиками меда на севере, еще до начала XVIII столетия хлынул поток землепашцев, как русских, так и нерусских, а также заводских работных людей. Поэтому на отношения между русским правительством и башкирами влияли горные заводы, и достижение в этом процессе стабильности не привело к улучшению положения башкирского народа. «Башкирский вопрос» был постоянной проблемой для русских властей. Вечно бунтующая колония, тесно связанная со Средней Азией и богатая природными ресурсами, Башкирия представляла для Российской империи лакомый кусок.

Русское правительство заинтересовалось Башкирией уже в самом начале индустриализации Урала. Ее статус был определен между 1662/1663 гг. (первое крупное башкирское восстание) и 1798 г. (перевод башкир в военно-служилое сословие). Именно эти две даты являются хронологическими границами моего исследования. Но прежде необходимо коротко рассказать о Башкирии накануне

XVIII в., поскольку без этого невозможно будет понять вектор ее развития. К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователя документальные свидетельства, относящиеся к XVII в., очень немногочисленны, однако даже по ним можно получить общее представление об эпохе.

В своей работе я не буду рассматривать саму политику русского правительства по отношению к башкирам, а постараюсь показать те изменения в жизни региона, что стали следствием этой политики. Встреча с Россией изменила весь жизненный уклад башкирского народа. Каким образом башкиры перешли от кочевого и полукочевого хозяйства к оседлости? Какова была степень вовлеченности башкир в принесенные Россией земледелие и промышленность? Как, наконец, родоплеменное устройство башкирского общества постепенно трансформировалось в территориальное? Возникает множество вопросов, без ответов на которые невозможно понять влияние политики царизма на экономическую, социальную и политическую жизнь башкирского народа.

Колонизация так или иначе затрагивает все общество. Известно, что всякое завоевание не только приводит к установлению связи колониальной власти с покоренным народом, но и сближает завоевателей и побежденных. Однако в России все было несколько иначе. Любое покорение, насильственное или мирное, осуществляемое армией или гражданским населением, приводит к тому, что различные социальные группы, объединенные тем или иным общим признаком, оказываются противопоставленными друг другу. Положение русского крепостного в Башкирии, работавшего на помещика или заводовладельца, было схожим с положением простого башкира, зависимого от своего бая. Вероятно, именно поэтому произошло сближение интересов социальных низов русских и башкир.

История России богата крестьянскими восстаниями. К ним относятся и волнения на Урале в XVIII в. Социальные противоречия имелись как внутри башкир, так и среди русских. Иными словами, колониальный гнет и внутриэтнические противоречия были настолько взаимосвязаны, что зачастую приводили к возникновению союза башкир и русских на классовой основе.

Конечно, имели место и факторы, разобщавшие русских и башкир. Скорее всего, это были этнические различия, религия, а также разный уровень развития обоих этносов. Русские чиновники относились к башкирам с презрением, но не совсем так, как к своим русским крепостным. Анализ этих противоречий с целью объяснения природы отношений, которые установились между русскими и башкирами (точнее, между различными социальными категориями двух народов), оценка степени цивилизаторского влияния русских на башкир, выявление в последствиях покорения Башкирии того,

что дало развитие региону и того, что способствовало его упадку в период интеграции в Россию – такие задачи я ставлю перед собой в этой работе.

Интерес к этим проблемам в научном мире огромен, несмотря на огромные трудности, возникающие перед исследователями. Над изучением народов, составляющих сегодня многонациональное Советское государство, работают целые коллективы специалистов. Так, в 1946 г. в СССР был представлен развернутый план книги по истории башкирского народа¹, но его отвергла специальная комиссия. Как сообщалось в советской печати, это произошло по двум причинам: во-первых, авторы проекта чрезмерно сосредоточились на конфликтах, разобщавших русских и башкир, и не показали при этом те элементы социальной общности, которые спустя 150 лет породили чувство любви к советской родине; во-вторых, авторский коллектив недостаточно подчеркнул прогрессивную сторону присоединения Башкирии и тот высокий культурный уровень, которого башкиры достигли благодаря русским. Отсюда можно сделать вывод, что на страницах так и не написанной книги покорение края предполагалось оценить весьма негативно.

Таким образом, при обсуждении представленного проекта будущего исследования к чисто научной проблеме оказались применены политика, а также достаточно сильный славянский национализм. Но в тоже время, сделанные комиссией замечания позволили выявить некоторые долгое время игнорировавшиеся в историографии проблемы, которые в силу своей важности далеко выходят за пределы Башкирии и поэтому вызывают повышенный интерес к истории башкир. Мое исследование, касающееся некоторых проблем российского колониализма, носит предварительный характер, и ограничено XVIII в. Кроме того, я попытаюсь сравнить российскую колониальную политику с рядом других колониальных империй того времени, чтобы выявить ее специфику.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Источники

К сожалению, во время работы над этой книгой мне не были доступны архивные источники, хранящиеся в СССР, и я также не смог ознакомиться со сборником документов: Пугачевщина /Под общ. ред. М.Н.Покровского. М.; Л., 1926-1931. Т.1-3.

Замечательным подспорьем для меня явилась первая часть «Материалов по истории Башкирской АССР» (М.; Л., 1936), охватывающая период 1633-1742 гг. В нее вошли ранее не публиковав-

шие источники. Правительственные указы о башкирах опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи».

Вступлением к «Материалам...» служит обширная статья А.П.Чулошникова «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.», основные положения которой затем были повторены в его книге «Восстание 1755 года в Башкирии».

Кроме того, в указанном сборнике документов можно найти аннотированную библиографию трудов по истории башкир, изданных в XVIII-XX вв., которая, на мой взгляд, носит исчерпывающий характер.

«Материалы...» также содержат хронологический список всех законодательных актов (включая указы) о башкирах периода 1572-1798 гг. Книгу органично дополняют «Указатель личных имен», «Указатель географических названий» и «Предметный указатель». Особенно удобен «Предметный указатель», поделенный на 6 рубрик: 1. «Башкирия и экономический быт ее основного населения»; 2. «Социальные отношения в Башкирии»; 3. «Башкирия как колония»; 4. «Восстания башкир»; 5. «Подавление восстаний и феодально-крепостнический террор царской России в Башкирии»; 6. «Малоизвестные слова». Вот как выглядит, например, структура первой рубрики, состоящей из 6 подразделов: 1. «Страна» (здесь дан список терминов, отсылающий к различным страницам сборника: «аймак», «кибитка», «тюба», «юрта»); 2. «Хозяйство» («звери», «лови звериные»); 3. «Меры (веса)»; 4. «Одежда»; 5. «Торговля» («пошлины таможенные», «товары продажные» и т.д.); 6. «Средства сообщения».

Единственный недостаток «Материалов...» – это невысокое полиграфическое качество приложенной к книге карты «Восстания башкир в XVII в. и первой половине XVIII в.» (к тому же сильно перегруженной текстом), что затрудняет ее использование в работе.

* * *

Основные законодательные акты, касающиеся башкир, имеются в «Полном собрании законов Российской империи». Часть документов приводится С.М.Соловьевым в его «Истории России с древнейших времен» (Т.14-29). Гораздо большее количество источников собрано в книге В.Н.Витевского «И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» (Казань, 1897. Т.4).

Сведения об участии и роли башкир в восстании под предводительством Пугачева можно почерпнуть из «Истории пугачевского бунта» (СПб., 1834. Ч.1-2) А.С.Пушкина, из сочинения Н.Дубровина «Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II: 1773-1774 гг.» (СПб., 1884), в журналах

«Красный архив» (М., 1922-1941), «Русская старина» (СПб.; Пг., 1870-1918), «Русский архив» (М., 1863-1917), а также в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М., 1846-1918);

Надо также отметить «Топографию Оренбургскую» (СПб., 1762) П.И.Рычкова, а также сочинения путешественников, исследовавших в XVIII в. Южный Урал: *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1768. Ч.2. Кн.1; Продолжение путешествия академика Лепехина. Ч.3 // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ея президента. СПб., 1821-1822. Т.III. Ч.II; Т.IV. Ч.III; *Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествий капитана Н. Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770. Ч.1-2; *Он же.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи, 1771 году. СПб., 1772.

Наконец, ряд источников по теме был опубликован в «Архиве князя Воронцова» (М., 1870-1895. Кн.1-40).

Исследования

Основу данной монографии составляют три основополагающих исследования о восстаниях башкирского народа до Пугачевщины, в которых показана вся сложность экономических, социальных и политических проблем в регионе:

Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705-1711 гг. // Исторические записки. 1937. Т.1.

Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. // Исторические записки. 1947. Т.24.

Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940.

Что касается восстания 1735-1739 гг., то оно до сих пор изучено лишь эпизодически: *Добросмыслов А.И.* Башкирский бунт в 1735, 1736, 1737 годах. Оренбург, 1900 (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; Вып. 8).

Как я уже говорил, попытка написания коллективного труда по истории башкирского народа, предпринятая группой исследователей, курируемых Институтом истории Академии наук СССР, ограничилась лишь составлением подробного проекта, подвергнутого в 1946 г. суровой критике со стороны специальной комиссии. О том, как понимают сегодня советские историки взаимоотношения между русскими и башкирами в XVIII в., можно узнать из статьи Н.В.Устюгова, опубликованной в журнале «Вопросы истории» (1946. №№ 8-9).

Ниже помещен список работ, которыми я также пользовался:

Алекторов А.А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883;

Атнагулов С. Башкирия. М.; Л., 1925 (Неплохая научно-популярная брошюра, ясно излагающая основные этапы истории башкирского народа);

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч.2;

Лёвшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832. Ч.2;

Попов Н. Татищев и его время. М., 1861;

Семенов П.П. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье;

Флоринский В.М. Башкирия и башкиры: Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Т.6;

Hudud al-'Alam (The regions of the world: a Persian geography 372 B.C.-982 A.D.) / Translated and Explained by V.Minorsky. London, 1937;

Portal R. Pugačev: une révolution manquée // Etudes d'histoire moderne et contemporaine. Paris, 1947. Т.1.

Глава I

БАШКИРИЯ В КОНЦЕ XVII В.

Происхождение, язык и религия башкир. – Раздробленность башкирского народа в начале XVI в. и его объединение под российским протекторатом в 1552 г. – Специфика российского протектората в Башкирии, его политические (отношения башкир с народами Сибири и Средней Азии) и финансовые особенности (ясак). – Формы протектората (управление башкирами с помощью башкирской аристократии); тарханы. – Появление в Башкирии городов, трактов, оборонительных линий и крепостей. – Слабая заселенность Башкирии. – Экономика и социальная структура башкирского общества. – Племенная организация и кочевая феодальная аристократия у башкир. – Промыслы (собирательство), полукозовое скотоводство, набеги. – Правительственная и стихийная колонизация: появление в крае служилых людей, русских и нерусских переселенцев. – Различный подход правительства к русским землевладельцам и башкирам. – Период межнационального мира в регионе. – Восстание 1662-1663 гг. – Его основные причины (усиление налогового гнета), особенности (запрет прибыльных набегов на степных соседей). – Отказ башкир от признания власти царя и их сепаратизм. – Итоги восстания: военный упадок башкир

и ослабление солидарности между мусульманскими народами. – Карательные меры со стороны русского правительства.

Насколько можно судить, башкиры имеют мадьярские корни², но еще до своего переселения на Урал они подверглись тюркизации³. От арабов башкиры переняли ислам, сохранив тем не менее в своей культуре языческий пласт. После взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. история башкир стала составной частью российской истории.

В то время башкиры были раздроблены: на западе они находились в зависимости от Казанского, в центре – от Ногайского ханств, на востоке были подданными сибирского хана Кучума. Но сходство религий и родство языков во многом способствовали сближению тюркских степных народностей, феодальная организация которых препятствовала созданию государств со строго определенными границами. Так что разделение башкир на три части было, вероятно, условным. Русская экспансия, проходившая в 1552-1582 гг. в три этапа (сначала – падение Казани, затем – подчинение ногаев и, наконец, захват Западной Сибири), привела к политическому объединению башкир.

Следы былой раздробленности края сохранились в названии административных единиц – так называемых «дорог». Башкиры были рассредоточены по четырем «дорогам» – Ногайской (бассейн р. Белой) в центре и на юге, Казанской (бассейн нижней Белой и Ика) на западе, Сибирской (горная Башкирия) на востоке⁴ и Осинской (очень узкая зона к северу от Уфы). Но об этом разделении на дороги знали только русские власти. Башкиры тогда об этом даже не догадывались, и то, что границы расселения башкирских племен примерно совпадали с границами дорог, было делом рук русской администрации. У башкир не было ни городов, ни своей столицы, а народные собрания, периодически созывавшиеся их вождями для решения политических вопросов, проходили, как у всяких кочевников, в открытом поле. До начала XVIII в. Россия в них не вмешивалась.

После падения Казани башкиры, как того требовала степная традиция, попросили у русского правительства защиты от внешних врагов. Несомненно, что на первых порах русский протекторат был для башкир выгодным: с его помощью башкирские лидеры могли влиять на русского царя, стремившегося к покорению Сибири. Поскольку в отношениях между башкирскими племенами и степными народами важную роль играли военные набеги, то, опираясь на Россию, башкиры надеялись показать южным кочевым соседям свою силу.

Русский протекторат до конца XVII в. носил в целом формальный характер. Сохранив социальное устройство башкир и не

вмешиваясь в их внутренние дела, царь при помощи их аристократии взимал ясак натурой (пушниной или медом) или деньгами, и иногда привлекал население на временные работы. До прихода русских башкиры платили ясак сибирским, казанским и ногайским ханам, но тогда это была исключительно натура, причем каждый башкир должен был отдать шкурку лисы, бобра, куницы. Русское же правительство брало ясак деньгами и со «двора», под которым понималось несколько семей⁵; исключения были сделаны лишь для некоторых низших социальных слоев. Благодаря этому налоговый гнет первое время был для башкир весьма легким.

Сначала Башкирия подчинялась так называемому Приказу Казанского дворца⁶, а с 1586 г., после основания Уфы, ставшей административным центром края – обосновавшемуся здесь воеводе (Уфа долгое время оставалась единственным городом края: Бирск получил этот статус только в 1663 г., а до этого оставался селом)⁷. Русская политика по отношению к Башкирии была очень осторожной, поскольку в противном случае башкиры могли откочевать в южные степи и признать сюзеренитет казахских ханов.

Чтобы воспрепятствовать этому, русские начали строить в крае крепости и установили надзор за местным населением. Постепенно власти стали ограничивать его свободу. Царь Иван Грозный, принимая башкир под свое покровительство, выдал им жалованную грамоту на право вечно владеть землями Башкирии⁸. Впоследствии, в XVIII в., лидеры башкир, протестуя против русской колонизации, постоянно ссылались на этот документ. Состоявший из набора самых общих фраз, царский указ по разному понимался полукочевыми башкирами, нуждавшимися в огромной территории и, следовательно, претендовавших на всю Башкирию, и пришлыми земледельцами (как русскими, так и нерусскими), стремившимися к тому же.

Малочисленные и рассеянные на большой территории, башкиры не сразу ощутили последствия той колонизации, которая началась еще до XVIII в. и привела в этот край не только русских, но и татар, мордву и марийцев со Среднего Поволжья. Правительство, желая установить регулярный сбор ясака, составлявшего в XVII в. значительную часть российского бюджета, старалось удержать башкир от выступлений против переселенцев, и требовало от воевод не дробить башкирские волости⁹. Следует заметить, что ясак платили (по крайней мере в XVIII в.) только те башкиры, что жили вокруг городов (Уфа, Бирск, Оса)¹⁰. Поэтому русское правительство стремилось добиться охвата налогами всего башкирского населения; поэтому оно не нарушало права башкир в тех волостях, где взималась подать (в так называемых «ясачных угодьях»). Таким образом колонизация, до тех пор пока она оставалась в определенных рамках, вероятно, не представляла большой угрозы для башкир.

Регулярно платить налоги можно было только в условиях стабильности. Сохранив социальную организацию башкир, русское правительство возложило на их племенных вождей поддержание порядка и защиту Башкирии от казахских набегов. Еще до прихода русских часть башкирской элиты имела привилегии. Речь идет о так называемых «тарханах» – служилых людях, возглавлявших свою военную дружину. Россия сохранила этот институт в целях собственной выгоды. Ниже я специально рассмотрю роль тарханов и других категорий аристократии в башкирском обществе, а пока лишь замечу, что вследствие тогдашней слабой колонизации края вплоть до конца XVIII в. контакты между русскими и башкирами происходили преимущественно среди элит, то есть на уровне представителей российской администрации в Башкирии и глав башкирских племен.

Тем не менее, взимание налогов породило недовольство, обеспокоившее русские власти. Приход в Башкирию небашкирского населения с Поволжья после взятия Казани сделал оседлые народы и полукочевников близкими соседями. Кроме того, переселенцы в какой-то степени имели с башкирами общую религию и этничность. Первое время поселившиеся в крае татары, чуваша и марийцы способствовали усилению позиций башкир по отношению к русскому правительству. Поэтому уфимские власти, стремившиеся к достижению здесь мира, не вмешиваясь напрямую во внутренние дела Башкирии, содержали в ней своих тайных агентов, информировавших об умонастроениях местного населения. Русские власти также запретили продавать башкирам оружие (сабли, шлемы, наконечники стрел) и последние теперь были вынуждены покупать даже топоры, косы и серпы на казанском рынке. Покупать сразу много орудий труда и создавать их значительные запасы не разрешалось¹¹. Это привело к упадку у башкир кузнечного дела. Такая политика преследовала цель не только сделать регион безопасным, но и исходила из коммерческих интересов: казанские купцы стремились закрепиться в Башкирии.

В XVII в. русское правительство влияло на башкир не прямым, а косвенным путем. Одним из самых ценных продуктов питания для этого полукочевого народа являлась соль, но соляными копиями Илека (левый приток Яика) владели тогда казахи¹². Башкиры могли добывать соль только на севере, опираясь на помощь Строгановых, также заинтересованных в башкирском рынке. Вопрос о том, откуда башкиры будут получать соль, обсуждался постоянно и позволял русскому правительству держать башкирских племенных вождей в своих руках.

Россия не ограничивалась условным протекторатом. С XVII в. началась унификация управления краем, что проявилось в резком увеличении размера налогов. Власти хотели, чтобы вся Башкирия

платила налог, но по разному подходили к решению этого вопроса для башкир и для русских. Когда в 1633-1634 гг. правительство для финансирования Смоленской войны решило ввести «пятину» (налог в форме 1/5 части имущества налогоплательщика), оно безоговорочно обложило ей населявших Башкирию русских. Одновременно уфимскому воеводе было рекомендовано выяснить, не прибегая при этом к силе, как башкиры отнесутся к увеличению размера собираемых с них налогов. Поэтому налоги, которые платили башкиры, больше походили на добровольные пожертвования, которые почти не отражались на их экономике. Конечно, дефицит средств в казне толкал русское правительство к увеличению размера взимаемого с башкир ясака, но как обстояло это на практике – источники умалчивают.

Итак, русские власти стремились черпать из Башкирии финансовые и материальные ресурсы, и при этом сохранять в ней спокойствие. Русский колониализм, тогда еще очень слабый, ограничивался строительством в Башкирии мостов на дорогах, соединявших Россию со Средней Азией. Из укрепленных линий только Закамская¹³ защищала Россию от Башкирии, и то лишь с востока. Башкирия в то время была своеобразной буферной зоной, где имелись анклавные небашкирского населения, а также несколько крепостей на случай возникновения здесь кризиса.

То, что анклавные переселенцев спокойно просуществовали здесь свыше 100 лет, игнорируя при этом русские власти и башкирских вождей, объясняется малой плотностью населения края. К сожалению, в имеющихся источниках нет никаких данных о численности башкир в XVII в. Первая и крайне неточная подворная перепись населения Башкирии была проведена в 1730-1740-е гг. В 1737 г., когда правительство попыталось обложить налогами все население края, выяснилось, что учета налогоплательщиков до этого не велось. Уфимский воевода С.В.Шемакин докладывал 8 ноября 1737 г. в Сенат: «В Уфинской правинцы по душам иноверцом описи издревля не бывало и ныне нет». Существовали ясачные книги по дорогам, волостям и деревням в целом, но не по отдельным лицам¹⁴. Первые более или менее достоверные данные о численности населения региона датируются 1750 г.¹⁵ Чтобы получить представление о населении Башкирии накануне XVIII в., я вынужден, таким образом, опираться на эти цифры.

К 1750 г. общая численность населения Башкирии составляла от 185000 до 336896 человек (из них 106176 – башкиры)¹⁶, в среднем – 250000 человек, а в действительности – еще больше. Сомнительно, чтобы число жителей Башкирии смогло резко увеличиться за 50 лет: террор в ходе восстаний и вызванное этим бегство башкир со своей родины значительно тормозили естественный прирост

местного и иммиграцию пришлого населения. Но, если даже допустить, что к 1750 г. на этой территории в 150000 кв. км проживало 300000 или даже 400000 чел., то и тогда плотность населения не должна была не выше 2 чел. на кв. км. Следовательно, Башкирский край в то время представлял собой безлюдную, почти безопасную для человека пустошь, привлекавшую русских крестьян. Русский протекторат не испытывал здесь особых проблем и лишь малочисленность населения Башкирии создавала для правительства определенные трудности.

* * *

Хозяйственный уклад башкир и их социальная структура не были однородными. Башкиры жили на границе леса и степи. На юге занимаемой ими территории доминировало коневодство, а также разведение крупного рогатого скота (у башкир здесь имелись даже верблюды), ближе к северу преобладали охота на пушного зверя и птиц, бортничество (которое столь живописно описал Паллас¹⁷), а также сбор дикого хмеля. Башкиры скорее были полукочевниками, чем настоящими номадами: зимой они жили в примитивных жилищах, а весной выезжали на пастбища, поскольку большинство из них занимались скотоводством; даже на севере оседлого населения было мало. Наличие охоты и собирательства свидетельствует о полuosедлом образе жизни башкир, поэтому применительно к XVII в. можно говорить лишь о зачатках у них земледелия¹⁸.

Такой тип тогдашнего башкирского хозяйства объясняется не только природными условиями. Рядом с Башкирией обитали кочевые народы, что, естественно, сдерживало развитие здесь земледелия. Хозяйство казанских татар, проживавших далеко от Яика, и, следовательно, избегавших набегов кочевников, было более развито, чем у башкир. Земледелие в Башкирию принесли русские и турки со Среднего Поволжья¹⁹. В силу того, что край до начала XVIII в. был мало заселен, слабые в военном отношении башкирские племена стремились держаться поближе к русским крепостям. Вскоре после основания Уфы башкиры стали строить рядом с ней свои зимние избы, чтобы найти таким образом защиту под ее крепкими стенами. Летом они уходили на пастбища, но не далее 10 верст от города. Башкиры ушли из-под Уфы только тогда, когда русские власти наделили городских служилых людей землей в ее окрестностях. Однако башкиры кочевали уже на незначительные расстояния²⁰. Если учесть, что русских крепостей в крае было мало, и в любой момент между башкирами и представителями царя мог развиться конфликт, то указанные выше факты свидетельствуют о начале перехода башкирского народа к оседлости.

Но в целом башкиры все же оставались кочевниками со всеми их традициями. Одна из них – это грабительские набеги на казахов в районе среднего течения Яика. Грабеж был составной частью хозяйства башкир и приносил успех, поскольку башкирские бии опирались при этом на покровительство своего российского сюзерена. Русское правительство безуспешно пыталось пресечь эти разбои, продолжавшиеся вплоть до второй половины XVII в., но башкиры нападали на казахов даже во время башкирского восстания 1662 г. Совершив очередной набег, они уходили на север, куда казахи уже не могли добраться. Русские власти тогда действовали подобно правительству Испании, которое не так давно не смогло остановить кочевников Рио-де-Оро, пересекших границы Испанской Сахары, и одновременно запретило своей коннице преследовать агрессора.

У башкир было еще одно занятие – кузнечное дело, связанное с нуждами домашнего хозяйства. До XIII столетия в Башкирии плавил металл, и в XVIII в. русские горные заводы нередко возобновляли разработку древних «чудских» медных шахт²¹. Но после XIII в. это ремесло пришло в упадок. Тем не менее башкиры продолжали ковать железо. Башкирских кузнецов называли «заводчиками» (этим же термином обозначали русских заводчиков XVIII в.). Те отрывочные сведения о Башкирии XVII в., которыми я располагаю, заставляют предположить, что у башкир, скорее всего, были сезонные сельские кузницы, где зимой, после возвращения с кочевки, в примитивных печах, подобных тем, которыми пользовались еще в начале XX в. таджики, они плавил металл.

Военный образ жизни башкир проявился в их социальном устройстве, представлявшем собой кочевой феодализм. Башкирские аристократы были главами как дружин, состоявших из родственников, так и общины, являвшейся резервом для их пополнения. Еще в XVIII в. башкирские вожди приезжали на народные съезды «с своим собранием». Когда в 1738 г. двое вождей восстания, Сеит-бай и Рысай-бай, пришли изъявить покорность в Табынск, то первый прибыл в сопровождении 20, а второй – 80 «человека», с своими братьями, сыновьями и с прочими свойственниками и подлым народом»²².

Башкирская аристократия образовывала в племенах, где уже зарождалось социальное расслоение, пирамиду, на вершине которой стояли «князья», «мурзы» («мирзы»), тарханы, баи, батыры, старосты и старшины, а основу составляли так называемые «лучшие башкирцы»²³.

О социальной структуре башкирских племен, где обычно употреблялись как тюркские, так и русские названия титулов, известно немного. Одни из титулов существовали еще до прихода русских, позже к ним добавились вотчинники; другие, напротив, при-

сваивались башкирам русскими властями и давали их обладателям незначительные привилегии. В этом факте отразились различия между вотчиной и поместьем, которые, впрочем, в XVII в. имели больше юридическое, чем экономическое значение и полностью исчезли в начале XVIII столетия. Это различие, однако, имело важные последствия: в то время как русское правительство признало башкирских вождей и батыров в качестве особой социальной прослойки, феодалы-переселенцы получали землю в личное пользование, приближаясь по своему статусу к русским помещикам²⁴.

Когда в Башкирию пришло множество иноземцев, то на одной социальной ступени с башкирскими князьями, тарханами и батырами оказалась пришлая феодальная элита (такowymi являлись, в частности, татарские феодалы). Переселенцы заняли высокое общественное положение, являясь, как и башкирские аристократы, опорой царской власти, которая либо сохранила им старые, либо предоставила новые привилегии.

Именно эта аристократия стала посредником между русским правительством и башкирами. Тарханы, освобожденные от уплаты налогов в обмен на свою военную или дипломатическую службу, не только были обязаны охранять границу от набегов казахов, но и участвовать во всех русских посольствах в Среднюю Азию и в Сибирь. Это давало им огромные привилегии по сравнению с остальным населением. Судя по имеющимся в моем распоряжении документам XVIII в. (см., в частности, разработанный И.К.Кириловым проект Оренбургской экспедиции, который я подробно рассмотрю ниже), русское правительство признало за тарханами все права на пользование вотчинными владениями («пашню пахать, сено косить, скот и лошадей пасть, в водах рыбу ловить»), кроме бортных урожаев и бобровых гонов. Таким образом, покорение башкир Россией ускорило распад у них родоплеменного строя и облегчило присвоение вотчинных владений их предводителями, превратившихся теперь в настоящих помещиков.

Башкирские старшины, стоявшие на низших ступенях феодальной иерархии, собирали для русского правительства ясак. Они обладали несколько меньшими, чем тарханы, привилегиями. Для старшин и тарханов сбор ясака, по-видимому, давал средства к существованию: когда в 1738 г. в своем проекте по устройству Оренбургской губернии Татищев ввел для старшин и «сотников», взимающих ясак, жалованье в 1-2 коп. за каждого ясачника, он, вероятно, лишь кодифицировал традицию²⁵.

Сущность отношений, которые связывали башкирских феодалов с общиной, пока неясна. В частности, неизвестно, сколько человек находилось под властью того или иного племенного вождя. Сто лет спустя после рассматриваемого мною времени, в 1798 г., в

указе, поделившем башкир на кантоны, приводился перечень старшин и количество подчиненных каждому из них дворов – 100-300. Но, как мы увидим далее, число башкирских старшин к тому времени увеличилось, а сами племена в XVIII в. распались на более мелкие группы. Поэтому вполне можно допустить, что в конце XVII в. старшины были более влиятельны, чем позже, и их власть распространялась по меньшей мере на несколько тысяч человек. Над простыми старшинами стояли «главные старшины», называемые иногда «тарханами», которым подчинялось несколько племен.

Исходя из норм обычного права, башкирские вожди собирали оброк (натурой, деньгами и работой) не только с башкир, но и переселенцев, а иногда даже и с русских крестьян. Ростовщичество породило у башкир категорию туснаков – разорившихся должников, вынужденных ради уплаты долга жертвовать личной свободой и свободой членов своей семьи²⁶. Для основной массы башкир повинности, помимо феодальных сборов и ясака, взимаемого в пользу русского правительства (1% отходил в пользу старшин и тарханов), выражались в уплате десятины мусульманскому духовенству, в обязанностях являться со своим оружием на войну и участвовать в облавной охоте, устраиваемой предводителями.

В XVII в. внутри башкирского общества началось социальное расслоение, которое продолжалось вплоть до середины следующего столетия. К сожалению, известные мне свидетельства о степени зажиточности некоторых башкирских вождей относятся лишь к XVIII в. Так, в 1740 г. восставшие башкиры отобрали у тархана Исмаила Мундырова «200 лошадей, 30 коров, 40 овец», а также немалую сумму денег (башкирские предводители занимались еще и торговлей, продавая мед, воск, пушнину и скот)²⁷. Некоторые тарханы имели по несколько тысяч лошадей. Именно по поголовью скота можно приблизительно оценить степень зажиточности различных башкирских вождей. У тархана было в среднем 1000 лошадей, столько же баранов и несколько сотен голов крупного рогатого скота²⁸, не считая коз, а если он проживал на юге Башкирии, то содержал еще и верблюдов. Батыру принадлежало не менее 500-1000 голов лошадей, у менее знатных аристократов их было 100-500, а численность баранов была примерно равна количеству голов крупного рогатого скота. Старшины, приравненные к тарханам, занимали промежуточное положение между тарханами и батырами²⁹.

Насколько применимы эти данные к началу XVIII в.? Если допустить, что классовое расслоение, начавшееся в XVII в., действительно усилилось к 1730 г., то необходимо признать: восстания 1662-1664 и 1704-1730 гг., а также массовая конфискация лошадей для нужд Северной войны, скорее всего, затормозили процесс обогащения башкирской аристократии. Таким образом, эти цифры по-

зволяют оценить не только собственность, но и экономическое могущество башкирской элиты к 1700 г. и процесс разложения древней племенной общины у башкир.

Однако было бы неверно вслед за советскими историками полагать, будто бы башкирские феодалы были неким монолитом, противостоявшим рядовым общинникам. Даже в условиях феодального расслоения у башкир продолжала сохраняться племенная сплоченность. К тому же русского правительство предоставляло привилегии не всей аристократии. «Служивыми» считались лишь те башкирские лидеры, которые были абсолютно преданы русским (хотя иногда и нарушали свою клятву), а также занимали высшие ступени социальной лестницы. Следовательно, от уплаты ясака освобождались далеко не все феодалы. И, наконец, башкирские вожди весьма своеобразно понимали сущность российской власти. Они рассматривали российский протекторат в качестве составной части своей феодальной структуры, видя в нем привычные отношения сюзерена с вассалом. Башкирские предводители считали, что обладают правом ухода от своего сюзерена. Такие представления сохранялись у них вплоть до конца XVIII в.: во время восстания 1735-1739 гг. башкиры напоминали оренбургским чиновникам, что «деды де и отцы их от предков масульманских и нагайских ханов владели вотчинными землями и водами и, сыскав великих князей-государей, пришли под протекцию их величества сами собою, а не так, как другие государства – силою и войною приведены в подданство». 19 марта 1738 г. башкиры направили Татищеву письмо, в котором заявляли о своем нежелании отдавать штрафных лошадей (наказание, наложенное на участников башкирских восстаний 1730-х гг.); это было прямым отказом от российского протектората³⁰.

В XVII в. протекторат был еще выражен слабо. Но если башкиры выражали неудовольствие размером ясака, то тогда уводили свои семьи к сибирским или среднеазиатским ханам и приносили последним клятву верности. Так было в 1634 г., когда правительство попыталось обложить башкир той же «пятиной», что и русских, 59 башкирских семей бежали в Сибирь, а в 1660 г., накануне крупного восстания 1662-1664 гг., около 30 башкирских семей ушли к калмыкам³¹. Таких фактов было не мало. Опасность ухода всех башкир из Башкирии в качестве протеста против тяжести российского протектората была вполне реальна, но Петр Великий решил устранить ее не изменением отношений к башкирам, а путем окружения региона с юга и с востока линией крепостей.

* * *

Изучая только башкир, мы не получим полного представления о населении Башкирии. Чтобы оценить царскую политику на

местах, нужно исследовать процесс колонизации края, который с XVII в. стал сильно осложнять отношения между русскими и башкирами.

Колонизация Башкирии небашкирским населением (как народами Среднего Поволжья, так и русскими из многих регионов России) была либо стихийной, с медленным притоком ищущих свободную землю крестьян из центральных регионов, либо принудительной, то есть контролируемой правительством, которое селило здесь привилегированных служилых людей. Колонистами выступали различные группы людей, отличающиеся друг от друга по расе, религии и правовому статусу.

Необходимо, правда, отметить, что численность переселенцев в XVII в. была небольшой; их насчитывалось не более нескольких десятков тысяч человек, поэтому их влияние определяется скорее не количеством душ, а социальным статусом и положением по отношению к башкирам и русскому правительству.

Сразу после установления протектората над Башкирией русское правительство направило сюда русских служилых людей. Их поселили в Уфе и наделили землей в радиусе 15 верст от города³², чтобы дать им средства к существованию. В Башкирии также поселились освобожденные от уплаты ясака татары, чей статус был выше батыров, плативших, в отличие от башкирских тарханов, налоги. На протяжении XVII в. шло строительство новых населенных пунктов (например, в 1645 г. заложили Мензелинск), которые вряд ли можно назвать городами, но, тем не менее, сыгравших большую роль в российской колонизации. В Башкирии также обосновались смоленские шляхтичи, из которых позже были сформированы драгунские полки. На исходе XVII столетия стрельцов, переведенных на службу в Уфу и не принимавших участия в стрелецком бунте в Москве, одарили землей³³. Но в XVII в. штат военных и чиновников в Башкирии был еще крайне невелик.

Стихийная (полусвободная) колонизация имела гораздо большее значение для региона, чем правительственная. Первоначально она шла на юг, в обход Башкирии, чуть позднее началась на севере, на границах владений Строгановых. В XVI в. русские появились в низовьях Яика; это были вооруженные люди, бежавшие от преследований со стороны правительства. Грабежи, устраиваемые ими на дорогах Поволжья, на некоторое время парализовали торговые и дипломатические отношения России с Востоком. В 1577 г. правительство вынуждено было послать в этот край регулярные войска, которые оттеснили разбойников на юг. Некоторые из «воровских» шаек скрылись в низовьях Яика, а затем ушли на север. Изгнав ногайского хана Уруса, они поселились на среднем Яике, где основали Яицкий городок. Так возникли яицкие казаки³⁴.

На севере же Башкирии небольшие группы крестьян, как крепостных, так и свободных (в основном, конечно, это были беглые³⁵ из Казанской, Симбирской и Пермской провинций), пользуясь защитой владений Строгановых, основали в лесах несколько слобод. Их отношения с башкирами не всегда были мирными, но причины этого кроются, главным образом, в действиях их чиновников. Воеводы при сборе ясака постоянно злоупотребляли властью. Правительственные чиновники, обладая огромными полномочиями, использовали их в корыстных целях, тем самым возбуждая ненависть у местного населения, нередко переносимую на всех русских. Кроме того, служилые люди без разрешения охотились в башкирских угодьях. И если вдоль Яика отряды казаков находились в постоянном контакте с башкирами и казаками, по здешним обычаям чередуя войну и мир, то на севере все было совсем иначе – здешним русским крестьянам постоянно угрожали нападения со стороны башкир, вследствие чего властям пришлось в 1658 г. построить крепость Челябинск.

Очаги русского населения имелись также и в центре региона – поблизости от городов. Здесь поселялись и крепостные (но их число было невелико), привезенные с собой служилыми людьми. Переселенцы сделали Башкирию полиэтничной и составляли большинство тех, кто трудился во владениях служилых людей и обеспечивал башкир рабочей силой. Как правило, это были представители социальных низов, но имелись также и привилегированные категории. Социальный статус колонистов был столь же неоднородным, как и их происхождение.

К 1750 г. в Оренбургской губернии проживали мишари, чуваш, мордва, тептяри и бобыли, татары и даже калмыки и казахи (это были рабы, сбежавшие из Туркестана)³⁶. Все они (кроме незначительного числа калмыков и казахов) переселились в Башкирию после падения Казани. Особое место среди них занимают мишари и тептяри.

Финны по происхождению, вытесненные русской колонизацией из бассейна Оки в Среднее Поволжье, мишари в конце XVI в. во множестве переселялись в уфимский край; оседлые земледельцы, употребляющие в пищу чай, а не кумыс и, следовательно, стоявшие на более высоком уровне развития³⁷, они были враждебны к башкирам. Русское правительство, борясь с башкирскими восстаниями, постоянно опиралось на мишарей. Уже в XVII в. в мишарском обществе, где наблюдалось социальное расслоение (считается, что оно было аналогично башкирам, но более этого ничего неизвестно), появляются служилые люди, освобожденные от уплаты ясака в обмен на военную службу. В начале XVIII в. выражение «служилый мишарин», применявшееся раньше лишь к части мишарей, распространилось на весь народ³⁸. Следует заметить, что русское правитель-

ство предоставляло переселенцам такие привилегии, которые были не частыми у башкир. Проводя дифференцированную политику по отношению к мишарям и башкирам, Россия добивалась верности себе первых и поддерживала их постоянный конфликт со вторыми.

Вопрос о тептярях и бобылях (термины официальных документов XVIII в.) пока еще окончательно не решен. Новейшие советские энциклопедии дают в целом недостаточно четкие сведения на этот счет.

Неизвестно, что вообще обозначал термин «тептяри» – национальность (представлявшую собой смесь из татар, удмуртов, марийцев, чувашей, мордвы, башкир и т.д.)³⁹ или социальную категорию пришлого населения, арендующего чужие земли. Тептяри первоначально состояли исключительно из переселенцев и лишь впоследствии пополнились местными разорившимися башкирами. Тептяри – яркий пример тесного переплетения «национального» и «социального»⁴⁰. Землевладельцы с неопределенным статусом, либо просто подневольные люди, тептяри были социально близки русским бобылям. Но если термин «бобыль» является довольно старым⁴¹, то слово «тептярь» – весьма позднего происхождения и впервые зафиксировано лишь в 1734 г., во время первой переписи населения Башкирии. Тогда были созданы «регистры тептярей», куда включались лица неопределенной национальности. Таким образом, термин «тептярь» имеет административное происхождение.

Что касается понятия «бобыли», то оно обозначало либо пришлых безземельных, зависимых или обедневших крестьян (русских или нерусских), отказавшихся от своих прав на возделываемую ими землю, а также пользовавшихся ею на основе устного соглашения, либо крестьян, которые ушли со своей родины, чтобы искать лучшей доли. Термин «бобыли» впоследствии стал обозначать в русском языке бездомных холостяков.

Объединение двух категорий населения, одна из которых является социальной, а вторая одновременно и национальной и социальной, произошло, таким образом, на основе сходных условий. Тептяри и бобыли стали полностью зависимы от феодальной и чиновничьей аристократии. Они были обязаны оплачивать аренду земли и скота, платить ростовщические проценты натурой (в виде дополнительных поставок воска, меда, мехов и т.д.), работать на феодалов, отрабатывать барщину, которая в XVII в. иногда заменялась общественно-полезными работами – в том случае, когда строились города, крепости или устраивались дороги. С этой целью русское правительство обращалось за помощью к помещикам и местной аристократии.

Таким образом, расслоение населения Башкирии было вызвано больше социальными, чем этническими причинами. Тюрки,

финны и монголы были близки друг другу благодаря религии, а башкирский язык со временем стал средством межнационального общения для большинства местного населения. Быстрее всего подверглись ассимиляции татары, которые менее чем за одно поколение адаптировались к здешнему образу жизни⁴². Однако часть населения имела особые привилегии, дарованные русским правительством. Если, например, татары в целом (за исключением тех, кто находился на службе у России и более или менее участвовал в общероссийских делах) подогревали антирусские настроения у башкир и часто возглавляли восстания, то мишари, напротив, поддерживали царизм и противостояли башкирам. Политика русского правительства опиралась на два принципа: на покровительство малочисленным группам населения, противопоставлении их основной массе (башкирам и татарам), и опоре на аристократию. Поэтому социальные низы, вне зависимости от своей национальности, интуитивно ощущали общность своих интересов, расходившихся как с интересами собственной аристократии, так и с целями России. Это социальное единство ярко проявилось в ходе башкирских восстаний. Повстанческое движение, даже если оно являлось общенародным и затягивало в себя всю башкирскую аристократию, вскоре перерастало в настоящую гражданскую войну с захватом имущества батыров и тарханов. Это раскалывало ряды повстанцев и способствовало переходу части аристократии на сторону России. В результате национальная борьба перерастала в социальную, а элита добивалась у правительства новых привилегий для себя.

* * *

И все же эта борьба всегда была национальной по духу, поскольку все слои общества были едины в своем антирусском порыве. Как только племя или группа племен выступали против русского правительства, они совершали набеги на русские деревни (города были мятежникам не по зубам). Однако не надо думать, что восстания, которыми насыщена вся история Башкирии, шли постоянно. Как до, так и после восстаний 1616 г., 1645 г., и грандиозного движения 1662-1664 гг. в крае наблюдались длительные периоды затишья. Так было ли в действительности чувство вражды между башкирами и русскими столь глубоким?

Причины башкирских восстаний советские историки (в частности, В.И.Лебедев) обычно объясняют приходом в край большого числа русских переселенцев. Но это лишь одна сторона проблемы. На широком хронологическом фоне XVII в. выглядит довольно спокойным. Большинство полукучевых башкир почти не замечало многочисленных русских крестьян. Мир царил даже на севере и вблизи крепостей: в то время Башкирия была так слабо заселена,

что медленный поток российской колонизации, ее маленькие очажки практически не представляли опасности для башкирских охотников и бортников. Между простыми русскими и башкирами не было вражды друг к другу, и это ярко проявилось в начале XVIII в., когда Башкирия стала прибежищем для крестьян, бежавших от заводских работ⁴³. Разумеется, различия в образе жизни, языке, религии русских и башкир способствовали сохранению взаимного недоверия между этими двумя этносами. Но в историографии слишком много уделяется внимания тому, что разделяло в XVII в. русских и башкир и почти не исследуются факторы сближения этих двух народов. При этом к XVII в. обычно применяются реалии, характерные для XVIII столетия. Историки часто забывают, что в то время противостояние хозяйственных систем не было столь острым, чтобы оно могло привести к этнической вражде социальных низов. Впрочем, здесь необходимо указать на одно небольшое исключение: у башкир имелись своеобразные илоты⁴⁴ в виде тептярей и бобылей, но они не были сплочены в единый фронт против русских, у которых также можно было найти как свободных, так и крепостных крестьян. Единство интересов социальных категорий как у русских, так и у башкир, а также сходство некоторых форм хозяйства (охота и пчеловодство) у этих этносов способствовали сохранению социального равновесия, которое до начала XVIII в. в целом нарушалось весьма редко.

* * *

Восстание 1662-1664 гг. было первым действительно широким движением башкир, своеобразной прелюдией к грандиозным бунтам следующего века. Понять причины его возникновения можно лишь в связи с событиями в России, случившимися после 1660 г. Это восстание, каким бы важным оно ни было для рассматриваемого нами региона, для страны в целом являлось всего лишь незначительным пограничным конфликтом. В значительной мере оно было вызвано общероссийским кризисом – неудачная денежная реформа привела к обесцениванию медных денег и утечке из обращения серебряных монет. Правительство вынуждено было увеличить в стране налоги и ввести в феврале 1662 г. казенную монополию на шесть товаров (поташ, смольчуга, пенька, юфть, соболя и говяжье сало), которыми торговали русские и восточные купцы в Уфе и Астрахани. Но это привело лишь к ухудшению товарооборота, поскольку, желая увеличить приток серебра в казну, правительство установило, что монопольные товары можно продавать только на серебряные деньги. В то же время с калмыками в Уфе торговали лишь путем натурального обмена⁴⁵. Все это настолько способствовало упадку торговли, что с ноября 1662 г. правительство отменило указанную мо-

нополю, но недовольство ею в течение нескольких месяцев ее действия было на границе со Средней Азией значительным.

Российский финансовый кризис усугублялся кризисом в сельском хозяйстве. В 1660 и 1661 гг. страну постиг неурожай. Он поразил и соседние с Башкирией районы, где цена на рожь резко выросла. В 1662-1663 гг. вспыхивали московское восстание, массовые бунты крестьян, мятежи украинских казаков. Кроме того, Россия девять лет вела войну с Польшей и крымскими татарами, и это также отрицательно сказывалось на ее экономике. Бунтовали и те, кто недавно пришел под скипетр русского царя – поволжские татары, вогулы и население Центральной Сибири.

Башкирское восстание 1662-1664 гг. имело две причины: с одной стороны, вследствие финансовых затруднений правительства усилилось налоговое бремя, с другой – запрещение в 1662 г. башкирам совершать набеги на калмыков.

Злоупотребления русских чиновников и служилых людей, в частности, во время сбора ясака, были и раньше. Но башкиры решили воспользоваться трудностями в России, чтобы отказаться от ее протектората, становившегося все более и более непосильным. Недовольство башкир было почти всеобщим: в то время правительство освобождало от уплаты ясака далеко немногих и число тарханов, не платящих ясак, было весьма незначительным, а основная тяжесть налогового бремени в конце концов легла главным образом на плечи простых башкир. Таким образом, в целом движение носило общенародный характер и его возникновение, очевидно, нельзя объяснять только экономическими причинами. В основе солидарности различных социальных категорий башкир лежали чувства племенной общности, принадлежности к единой религии, то есть те явления, на которые советские исследователи почему-то мало обращают внимание.

Что касается запрета совершать набеги на калмыков, то это затрагивало особенно сложную сторону отношений между башкирами и их степными соседями. На юго-восточной границе региона кочевало несколько племен, находившихся в зависимости от сибирских «князей» (царевичей) – потомков хана Кучума, разгромленного в ходе русского завоевания веком ранее. Сохраняя враждебность к русскому правительству, они вели себя с башкирами так, как это было принято в кочевой среде, – чередуя торговлю с набегами. Однако, как и калмыки, эти племена не представляли большой опасности для башкир.

Калмыки появились у границ Башкирии в первые десятилетия XVII в. В 1620 г. они приняли российский протекторат, что дало им право торговать в Уфе без уплаты таможенной пошлины, однако их союз с Россией был весьма зыбким, временами русско-калмыцкие

отношения резко обострялись, но в любом случае это никак не отражалось на башкирах. Башкиры и калмыки оспаривали друг у друга территории, расположенные вдоль берегов Сакмары и среднего течения Яика. При этом башкиры претендовали не на степные пространства, пригодные для кочевания (так как они кочевали несколько севернее), а на охотничьи угодья с крупными загонами, что было необходимо для выплаты ясака. Эти загоны были прибыльны и для башкирской элиты, и для простых башкир. Что касается калмыков, то они боролись за право использовать эти чрезвычайно изобильные земли для своих сезонных кочевков. Более 30 лет, с 1630 по 1660 г., башкиры и калмыки постоянно обращались по этому поводу с жалобами друг на друга к русскому правительству и одновременно разрешали конфликты между собой с помощью силы.

До 1660 г. правительство прилагало большие усилия, чтобы путем увещаний помешать этим набегам, наносящим значительный ущерб здешней торговле. И все же русские власти находились на стороне башкир, ведь Башкирия гораздо больше была включена в сферу интересов России, чем калмыцкие степи. После безуспешной попытки в 1643-1644 гг. оказать воздействие на калмыцких ханов путем запрета им доступа на уфимский рынок, правительство направило против них русско-башкирскую военную экспедицию и разорило их улусы. Поддержка русскими башкир резко изменила ситуацию. Заручившись покровительством Москвы, башкиры осмелели и начали совершать набеги столь далеко за пределы своих охотничьих угодий, что в 1662 г. русское правительство было вынуждено запретить им любые враждебные вылазки против калмыков. Этот запрет, в частности, очень затронул башкир Ногайской дороги.

Башкиро-калмыцкие конфликты, в которых русское правительство пыталось играть роль посредника, не мешали башкирам видеть в калмыках возможного сюзерена: известны случаи, когда башкирские племена, распадаясь на более мелкие образования, подносили дары калмыцким ханам и просили их о покровительстве, дабы уйти из-под русской власти. Таким образом, запрет грабежей наносил ущерб степным ордам и в то же время поднимал южные племена против России, парадоксально являясь элементом сближения между мусульманскими народами⁴⁶ с обеих сторон границы.

Восстание 1662-1664 гг. не ограничивалось только территорией Башкирии или районами, непосредственно подчиненными русским. Его нельзя рассматривать как обычный эпизод в истории внутренней колонизации страны – это восстание распространилось в сторону Средней Азии, и даже вызвало интерес у мусульманских лидеров на юго-западе, в частности у крымского хана. В ходе восстания башкирские предводители попытались разорвать вассальные узы, связывавшие их с русским царем, но не стремились к пол-

ной независимости – такое было попросту невозможно. Башкирские вожди сразу же отправились засвидетельствовать свое почтение к соседям и собратьям по религии – сибирским князьям и калмыцким ханам. Кроме того, они начали переговоры с крымским правителем. Но имела ли место в 1662 г. попытка развязать священную войну мусульманских народов против русских? Те фрагментарные источники, которые имеются в моем распоряжении, не позволяют сделать такой вывод.

Разумеется, можно допустить, что сибирский князь Кучук в то время мечтал о восстановлении в Западной Сибири царства Кучума. Калмыки не планировали продвигаться далеко на север – их планы были гораздо скромнее: насколько можно судить по более поздним источникам, они всего лишь пытались заставить башкир перейти под их протекторат. Маловероятно, что между калмыками и башкирами существовал прочный союз и какая-то общая программа. Что касается крымского хана, то он почти не оправдал возлагавшихся на него надежд. Предложения, шедшие из Башкирии, не нашли в Крыму положительного отклика.

Тем не менее, сам факт переговоров с крымским ханом достаточно ярко характеризует умонастроения в среде мусульманских народов на южных границах Российской империи и свидетельствует о связях, которые имелись тогда между ними. В 1664 г. калмыцкий предводитель Мончак в своем доносе упоминал отправление уфимскими башкирами за шесть или семь лет до этого (то есть примерно в 1658 г.) посольства в Бахчисарай (Крым), которому было поручено напомнить татарскому хану об общности религии башкир и крымских татар, о былых политических связях, и просить его поднять вместе с ними оружие против русских⁴⁷. К этим утверждениям находившегося в зависимости от России Мончака можно было бы отнестись с недоверием, если бы они не подтверждались другими источниками⁴⁸. В конечном итоге башкиры, усиленно искавшие себе нового сюзерена, нашли понимание у сибирских князей. Но одновременно они стали завязывать контакты и с калмыками, которые уже не ограничивались границей среднего течения Яика, а начали совершать набеги в район Астрахани.

Насколько можно судить по имеющимся источникам, летом 1662 г., по-видимому, восстала уже вся Башкирия. На первом этапе этого восстания сразу же обращают на себя внимание два факта. Прежде всего – это растерянность русских властей на местах и их неспособность организовать эффективное противодействие повстанцам. Юго-восточные регионы, по причине малой плотности их населения, являлись зоной достаточно слабого сопротивления русскому проникновению и тот факт, что Россия застыла на месте на берегах Урала до середины XIX в., объясняется не трудностями по-

корения этой территории, а отсутствием интереса к ней для русского правительства вплоть до начала эпохи европейского империализма в Средней Азии. Поэтому русские власти, поглощенные более важными проблемами в других регионах, не обращали внимания на необходимость защиты этих земель. Сеть дорог (к тому же неразвитая), усеянных укреплениями, тоже не должна вызывать у исследователя иллюзий. Расквартированные здесь войска были малочисленными и состояли в основном из ненадежных переселенцев. Оружие в укрепленных пунктах зачастую почти полностью отсутствовало: в сентябре 1662 г. в Невьянском остроге имелось всего 5 мушкетов⁴⁹. Лишь города и крепости были неприступными для башкир. Поэтому летом 1662 г. пожары и грабежи охватили все русские деревни; церкви были преданы огню, а крестьяне, не успевшие убежать, уведены и проданы в рабство в Хиву, Бухару и крымскому хану. Башкиры пошли на север, в район бассейна Сыльвы, и соединились там с иренскими татарами. Кунгур был разрушен (впоследствии его с трудом восстановят в 2 км от устья, при слиянии Сыльвы и Ирена), повстанцы проникли до Верхотурья, на востоке продвинулись до Тюмени, а на западе им удалось на какое-то время пересечь Закамскую оборонительную линию. Восстание привело к регрессу экономики: оседлые башкиры, опьяненные стихией разбоя, сжигали свои дома и возвращались к кочевому хозяйству.

Второй факт, достойный удивления – это отсутствие единого командования повстанцев. Большинство (но не все) племен Казанской дороги находились в союзе с племенами Ногайской дороги; башкиры Сибирской дороги предпочитали координировать свои шаги со своими соплеменниками из Осинской дороги⁵⁰. Имелись ли у башкир предводители, командовавшие всеми повстанцами? Обычно историки называют несколько деятелей, стоявших во главе восстаний, но они вовсе не являются – если верить недавним советским исследованиям – башкирами, игравшими в этих движениях главную роль. Иногда бунт 1662 г. квалифицируют как «Сеитовское восстание» – по имени старшины Сеита, который принимал в нем активное участие⁵¹. В действительности все было намного сложнее. Историкам известны имена многих предводителей; в 1662 г. такими являлись Гаур Акбулатов и Улекей Кривой, повешенные уфимским воеводой князем А.М.Волконским. Но то обстоятельство, что они были казнены, еще не является доказательством их руководящей роли в повстанческом движении. Н.В.Устюгов обратил внимание на тот факт, что предводители башкирских восстаний 1705-1711 и 1736-1739 гг. не подвергались суровым наказаниям; более того, они были всячески облагодетельствованы властями, а некоторые из них спокойно дожили до старости и «умре в доме своем» в богатстве и почете⁵². Высшей кары, по-видимому, удостоивались

второстепенные лидеры повстанцев. Государственные интересы побуждали русское правительство щадить истинных руководителей восстаний, которые занимали высокое социальное положение и поэтому представляли большую опасность. Война выдвинула на первый план повстанческих военачальников, которые почти не участвовали в подготовке восстаний. Таким образом, упоминаемые в источниках имена вождей не дают точного представления о роли башкирской аристократии в движениях. С уверенностью можно говорить лишь о том, что существовал некий союз глав племен. Именно аристократия возглавляла восстания, но они никогда не имели единого руководства.

Теперь рассмотрим главные отличительные признаки движения 1662-1664 гг. Оно распадается на два этапа, между которыми был период некоторого затишья. Фактически это были два восстания – 1662 г. и 1663-1664 гг. Первый этап был кратким. Двух карательных экспедиций (одна прибыла из Казани, а другая из Астрахани), наведших страх на местное население, было достаточно, чтобы отбить башкир у калмыков и сибирских князей и вновь привести их под российский протекторат. Но это была лишь первая проба сил. Правительственные войска, посланные князем Ф.Ф.Волконским (не путать с уфимским воеводой, князем А.М.Волконским!), штаб-квартира которого была в Мензелинске, сконцентрировались вдоль Камы, то есть вблизи с Башкирией, и находились там в состоянии полной боевой готовности. Что касается башкирских лидеров, то они пошли тогда на заключение мира, чтобы лучше подготовить новое восстание⁵³. Следовательно, движение 1662 г. явилось лишь увертюрой к восстанию 1663 г. Однако необходимо учесть, что весной 1663 г., в начале второго восстания, башкиры и русское правительство неодинаково трактовали осенние соглашения 1662 г.

У России было два подхода к данной проблеме. Центральная власть больше заботилась о спокойствии в крае, основанном на искоренении злоупотреблений, вызвавших жалобы башкир; этот курс в крае проводил астраханский воевода, князь Т.Е.Черкасский. Местная администрация (уфимский воевода, князь А.М.Волконский) зачастую нарушала обещания, данные башкирам Москвой. Обращения к башкирам носили характер призывов ко всему народу. На практике же, чтобы расколоть движение, местные власти миловали предводителей, обрушивая всю тяжесть репрессий на башкирские массы. На большинстве башкир заключение мира никак не отразилось; да, они выдали властям всех организаторов бунта, но и не прекратили жаловаться на служилых людей, захватывавших башкирские земли. Однако захваты, негласно одобрявшиеся местными властями, продолжались, а старшины, участвовавшие в восстаниях, умели находить общий язык с русской администрацией. Гибкое по-

ведение Иш-Мухаммеда Девлетбаева, одного из тех повстанцев, кто первым заключил мир с Россией, не получило одобрения всех башкир. Но с другой стороны, племенное и религиозное единство башкир оставалось настолько сильным, что их недовольство некоторыми из своих предводителей не могло вызвать внутри племен бунт.

Именно поэтому, когда весной 1663 г. башкирские предводители, ведшие секретные переговоры с калмыками и сибирскими князьями, вновь подняли оружие, их сразу же поддержал простой народ. Как и в 1662 г., у движения 1663 г. не было единого руководства; как и в 1662 г., башкиры ориентировались на сибирских князей и калмыцких ханов. Но действия башкир Казанской и Ногайской дорог отличались от действий башкир Осинской дороги.

Первые весной 1663 г. вновь напали на русские деревни, но об этом в источниках имеются лишь глухие упоминания. Документы говорят лишь об «измене» башкир Казанской и Ногайской дорог и сообщают, что их предводители признали сюзеренитет Кучука и калмыцких ханов. Тем не менее Кучук не дал им никакой помощи. В это же время в Башкирию пришли калмыки; вместе с башкирами они напали на закамские земли и столкнулись с русскими под Мензелинском.

Однако восстание уже шло к концу. Еще когда русские власти пытались нейтрализовать повстанцев западнее Камы, между уфимской администрацией и калмыцкими и башкирскими предводителями начались переговоры. Предательство калмыков показало башкирам, что восстание обречено. Русское правительство умело играло на борьбе этих двух народов за пастбища Южного Урала. Как только лидеры башкир, напрасно ожидавшие помощи от Кучука, увидели, что остались одни, в их среде быстро сложилась прорусская группировка и вновь появился Иш-Мухаммед Девлетбаев. Анализ различных документов позволяет сделать вывод, что миру с русскими достаточно сильно сопротивлялась, в частности, более воинственная и безрассудная башкирская молодежь. Но сила русских была такова, что дальнейшее сопротивление башкир могло лишь осложнить условия заключения мира. Поэтому в конце декабря 1663 г. башкиры прекратили борьбу, поверив обещаниям, данным им русскими. Их соплеменники из Ногайской дороги сделали тоже самое весной 1664 г.

Восстание башкир Осинской и Сибирской дорог продолжалось дольше. Оно вышло за пределы Урала и охватило башкир Исетской провинции, на юге непосредственно граничащих с кочевьями хана Кучука. Но это движение не было единым. Башкиры Осинской дороги, восставшие одновременно с башкирами Казанской и Ногайской дорог, действовали на севере края. У нас мало сведений об их борьбе, но мы знаем, что им помогали иренские татары и да-

же русские, поставлявшие повстанцам порох и свинец, купленные в Верхотурье. Зимой князь Ф.Ф.Волконский напал на осинских башкир и нанес им такое поражение, что уже в феврале-марте 1664 г., когда башкиры Ногайской дороги еще только готовились к переговорам, их северные собратья уже начали сдаваться в плен. В мае они были усмирены почти повсеместно.

Башкиры Сибирской дороги вели борьбу на северо-востоке края. Документы сибирских архивов, лучше сохранившиеся до нашего времени, информируют об этом достаточно подробно. Современное состояние источниковой базы позволяет сделать вывод, что восстание приобрело здесь большой размах. Историкам известны имена многих предводителей движения, мы знаем, что 30 июня 1663 г. башкиры разорили село Покровское, принадлежавшее Невьянскому монастырю, убили там 78 крестьян, сожгли в церкви женщин и детей и захватили в полон 95 человек. Затем повстанцы поднялись до реки Режь, избежав нападения небольшого отряда, посланного против них из Невьянского острога; 9 октября они разбили другой русский отряд, тоже очень малочисленный, а затем ушли на юг и стали кочевать в верховьях Миасса.

Как на западе, так и на востоке края власти придерживались исключительно оборонительной тактики, тем самым оставляя без защиты русских крестьян. Русских войск здесь было столь мало, что их нельзя было разместить в каждой слободе. Русские поселения были слишком удалены друг от друга, поэтому защищать их могли только небольшие военные отряды, которые не могли, конечно, противостоять башкирской коннице. Эффективно защитить мирное население могла только армия. Весной 1664 г. русские отправили из Тобольска карательную экспедицию, которая, однако, не смогла встретиться с ордами Кучука, бежавшими при ее приближении, но все же разорила зауральские башкирские кочевья⁵⁴. Летом 1664 г. регион был окончательно усмирён.

15 мая 1664 г. новому уфимскому воеводе Ф.И.Сомову, сменившему А.М.Волконского, было поручено реализовать в Башкирии важный наказ⁵⁵, в целом гарантировавший башкирам защиту от любых злоупотреблений властей и запрещающий захват и аренду их земель частными лицами. Арендой занимались переселенцы из татар, чувашей и черемисов. Допускалась лишь аренда между башкирами и на срок не более двух лет. Кроме того, еще раз было подчеркнуто, что угодья нельзя продавать и сдавать «в оброк» русским.

Текст наказа не позволяет толковать его однозначно. В.Н.Витевский считал, что правительство вовсе не планировало препятствовать колонизации Башкирии; напротив, оно стремилось снять все препоны на этом пути, одновременно усилив борьбу с злоупотреблениями русских чиновников⁵⁶. Наказ, конечно, давал га-

рантию башкирам от притеснений их частными лицами, но не защищал от неправомерных действий со стороны государства. Этот документ должен был помешать притоку нерусских переселенцев в Башкирию, поскольку последние способствовали усилению антирусских настроений в регионе и, главное, занимали земли, на которых могли бы поселиться русские. Правительство, кажется, все больше и больше склонялось к мысли о необходимости регулирования колонизации. Это позволило бы сохранить от заселения чужеземцами земли, обеспечив тем самым выплату ясака башкирами, и одновременно распределять колонистов в тех районах, где они не вызывали бы большого недовольства у башкир. Но упомянутый наказ в реальной жизни почти не мог быть реализован, поскольку правительство никак не могло помешать неконтролируемому притоку в край беглых. Наказ 15 мая 1664 г. был следствием того курса, который обозначился после событий 1662-1664 гг. и выражался в строительстве в регионе укрепленных пунктов и преобразовании до этого простой деревни в Бирскую крепость.

Таким образом, восстание 1662-1664 гг. позволило России окончательно утвердиться в Башкирии. Русское правительство заявило, что отныне башкиры будут в «вечном холопстве» (то есть в крепостничестве) у России. Башкиры не могли больше утверждать, что добровольно приняли российский протекторат. С поражением восстания 1662-1664 гг. началось настоящее покорение Башкирии.

И все же, потерпев поражение, это восстание способствовало некоторому улучшению положения башкир. Несмотря на то, что для подтверждения этого тезиса нельзя привести никаких документальных доказательств, размер ясака, по-видимому, был все же уменьшен. Запрет воеводам злоупотреблений при его взимании не прошел даром. С другой стороны, наказ 1664 г. способствовал установлению в крае относительного спокойствия, продолжавшегося до начала XVIII в. Тишина была «относительной» потому, что между 1667 и 1683 гг., то есть во время восстания Стеньки Разина, по Башкирии вновь прокатились волнения⁵⁷. Мир, установившийся тогда примерно на 20 лет, объясняется тем, что колонизационные потоки, как стихийные, так и направляемые правительством, были еще очень слабы. Переселенцев было мало; основной поток крестьян из центральных регионов России, избегая небезопасных территорий, шел севернее. Эта ситуация изменится лишь с началом промышленного освоения Среднего Урала в 1700 г.

Глава II

ЭПОХА ПЕРМАНЕНТНЫХ ВОССТАНИЙ (1704-1730 гг.)

Новый фактор в отношениях между русскими и башкирами: индустриализация Урала. – Башкирия как убежище для беглых. – Заселение края извне. – Жалобы башкир на тяжесть ясака и реквизиции лошадей для нужд Северной войны. – Политическое давление на Башкирию и вмешательство в ее внутренние дела (попытки возврата беглых). – Война и мир. – Заложники, военные действия, партизаны. – Слабость русской колонизации. – Нерешительность действий правительства. – Грандиозные планы Петра Великого по отношению к Средней Азии. – Башкирия как источник опасности. – Проект создания южноуральских оборонительных линий. – Планы освоения Башкирии. – Затишье 1728 г.

Причиной того, что в отношениях между русскими и башкирами в начале XVIII в. произошли крутые изменения, являются события, происшедшие севернее Башкирии. Строительство Невьянского (1699 г.) и Каменского (1701 г.) горных заводов в соответствии с решением Петра Великого основать на Урале металлургию стало предлюдией к началу индустриального освоения восточных отрогов Урала, что привело к глубоким социальным изменениям в регионе. До этого промышленность на Урале была кустарной и обслуживала только потребности края: сельские кузнецы изготовляли лишь сельскохозяйственные орудия – топоры, серпы, косы и т.д. Ремесленники в подавляющем большинстве являлись государственными крестьянами.

Горные заводы, основанные при Петре Великом, являлись инородным телом на уральских землях – они не предназначались для удовлетворения собственных нужд этого региона. Эксплуатирующие богатые залежи железной руды и лес, ресурсы которого здесь поистине неисчерпаемы, промышленные предприятия работали на оборону государства или производили полуфабрикаты, которые затем перерабатывались на заводах Центральной России. Будучи крупными для того времени индустриальными центрами, они использовали труд многих людей, основная масса которых трудилась в лесах и на рудниках в качестве заготовителей дров, углежгов и возчиков. Для строительства горных заводов использовалась местная рабочая сила, руководимая специалистами из Западной Европы. Завод на несколько недель или даже месяцев привлекал к работе тысячи крестьян. Из-за того, что крестьян здесь было мало, их приходилось набирать далеко за пределами Урала. Таким обра-

зом, в какой-то мере появление горных заводов вызвало социальные изменения на весьма обширной территории.

Следует подчеркнуть, что крестьяне участвовали в этих новых и чуждых для него видах деятельности далеко не добровольно. Обеспечить нормальное функционирование горных заводов можно было только с помощью принудительного труда. Он использовался местными властями и при строительстве предприятий, и на вспомогательных заводских работах. Более того, нехватка квалифицированных кадров вынудила правительство привлечь на заводы сельских кузнецов. Поэтому для населения завод стал одной из форм социального гнета; он породил новую ментальность и привел к пассивному сопротивлению, выразившемуся в бегстве крестьян с предприятий.

Итак, индустриализация Среднего Урала повернула миграционный поток из сотен крестьянских семей на юго-запад региона, то есть в Башкирию. Климатические условия делали затрудняли переселение на север, на юго-востоке господствовали кочевники, земли Кунгура и Перми, находившиеся за пределами края, были в основном уже заняты и там существовали административные ограничения для переселения. Поэтому Башкирия, с ее более мягким климатом и плодородными землями, стала желанным краем для беглых. К слабому ручейку переселенцев, вяло сочившемуся с запада и почти не влиявшему на рост населения в бассейне Белой неожиданно добавился новый, более мощный поток людей, мигрировавших с севера на юг. Как и в других местах, он не был регулярным и при каждом всплеске индустриализации выбрасывал по направлению к Яику новые волны беглых людей.

Следовательно, если государство не хотело окончательно дискредитировать горные заводы, оно должно было поставить на пути этих беглецов, лишивших Урал рабочих рук, надежный заслон. Не имея возможности влиять на побег, правительство было вынуждено потребовать от башкир выдачи беглых. Таким образом, экономические потребности вынудили правительство пойти на прямое вмешательство в башкирские дела. Прежние условия российского протектората над башкирами теперь были поставлены под сомнение.

Все это изменило жизнь башкир. Стремительное заселение края рано или поздно должно было поставить под угрозу их дальнейшее существование. Но почему? Во-первых, прибытие больших групп переселенцев угрожало полукочевым башкирам появлением сильных конкурентов. Во-вторых, присутствие здесь чужаков облегчало русскому правительству в случае возникновения какого-либо конфликта между пришлым и коренным населением вмешательство во внутреннюю жизнь региона.

Первая из указанных причин вышла на первый план лишь к концу рассматриваемого мною периода, т.е. после 1720 г. Индустриализация Среднего Урала проходила скачками. Начав в начале XVIII в. строительство горных заводов, государство к 1716 г. его свернуло. В 1716-1720 гг. горные заводы строил главным образом Н.А.Демидов, которому Петр Великий в 1702 г. отдал Невьянский завод. Позже, направив на Урал В.Н.Татищева (в 1720-1722 гг.) и В. де Геннина (в 1722-1734 гг.), государство стало наращивать свое участие в строительстве предприятий. Первые уральские горные заводы вызвали у населения региона ужас и привели к бегству крестьян в Башкирию. После 1720 г., особенно в 1726-1727 гг., этот поток резко увеличился и стал таким мощным, что в течение каких-то двух лет все казенные заводы остались без работников.

Индустриализация Центрального Урала, таким образом, привела к коренному изменению российской политики в Башкирии, территория которой теперь уже была не пограничной зоной, а передовым рубежом формирующегося промышленного региона. Отныне русское правительство будет подходить к башкирскому вопросу лишь через призму ситуации на Среднем Урале.

Период с 1704 по 1730 г. можно назвать эпохой перманентного восстания. Одной из причин его явились требования русских властей выдать беглых, но, несомненно, основную роль в возникновении бунта 1705 г. сыграла налоговая политика Петра Великого. Движение башкир было частью борьбы, развернувшейся в других регионах Российской империи. Башкирия отличалась лишь тем, что восстание в ней продолжалось очень долго.

Как известно, причиной резкого увеличения налогового бремени в России явилась Северная война. Специальные чиновники («прибыльщики») рыскали по стране и выколачивали из населения все новые и новые налоги. Башкирия не стала исключением: в 1704 г. в Уфу прибыли два чиновника и предъявили башкирам список из 72 дополнительных налогов⁵⁸. Башкиры, возмущенные этими требованиями, восстали⁵⁹.

Но денежные налоги и увеличение размера ясака, кажется, не так сильно влияли на башкирскую экономику, как реквизиция лошадей, вызванная извечными российскими бедами – огромными размерами страны, суровым климатом и малой плотностью населения. Обозам, нередко растягивавшимся на десятки верст по дорогам, требовалось несколько тысяч людей и лошадей. В период войн потребности казны в лошадях резко возрастали и их удовлетворяли путем крупномасштабных изъятий конского поголовья в скотоводческих районах. Башкирия была одним из тех регионов, которые в изобилии поставляли государству конную силу. Перед самым нача-

лом восстания 1705 г. правительство начало кампанию конфискации у башкир 5000 голов этих животных.

Сами процедуры изъятия конского поголовья и сбора ясака вызывали у башкир недовольство еще в XVII в. На то были главным образом три причины. Во-первых, царские чиновники использовали свою власть для личного обогащения. Во-вторых, они прибегали к жестоким мерам, чтобы запугать местное население. Наконец, отдельные чиновники, таких, как комиссар А.С.Сергеев, которому в 1704 г. было поручено изъять у башкир 5000 лошадей и забрать у них 1000 беглых людей, вели себя просто вызывающе.

При первой встрече с башкирскими старшинами Сергеев применил к ним те методы, которые затем стали для него нормой. Собрав башкир в Уфе, он выставил перед ними пушки и вооруженный до зубов караул. Перепуганные, как этого и добивался Сергеев, старшины, чтобы умиловить чиновника, подарили ему 22 лошади на сумму 409 руб.⁶⁰, но отказались предоставить требуемое им количество коней. Тогда Сергеев провел инспекционную поездку по Башкирии; при приближении его полков башкиры разбегались. Вернувшись в Уфу, он вновь собрал башкирских представителей. Теперь их прибыло меньше, чем в первый раз. Разгневавшись, царский комиссар организовал отлов башкир, находившихся в Уфе, и запер их в «крепкий огород». Здесь, под надежной охраной караула, он подверг людей изощренным издевательствам, продолжавшимся целые сутки. Наряду с обычными наказаниями он применил настолько фантастические способы устрашения людей, что можно усомниться, был ли этот чиновник в своем уме⁶¹. Выкатив бочки с вином и медом, в которые были добавлены ядовитые «зелья» (так утверждали сами башкиры. Речь, конечно, шла о растительных добавках, используемых при производстве медовухи), он заставил башкир пить эту гадость до потери сознания. Тех, кто отказывался это делать, били палками. Найдя в беспамятстве башкир по приказу Сергеева подпаливали пучками горячей соломы, прилепляли к их рукам свечи, поджигали насыпанный в горсти порох. Стоявшие рядом пушки палили всю ночь. Сергеев угрожал повесить едва живых от страха башкир. Утром он продолжил свои забавы, направляя через стекло на лица опьяневших людей солнечные лучи. Тех башкир, которые при этом шевелились, опять поили вином.

Издевательствам Сергеева подверглись лишь отдельные лица, а все башкирское население запугать не удалось. Даже описанные Н.Поповым поездки по Башкирии полковника Хохлова и братьев Аристовых, сопровождавшиеся всевозможными поборами и злоупотреблениями⁶², не улучшили ситуацию по изъятию лошадей и сбору налогов.

Россия стремилась уравнивать налоги с башкир с налогами, взимаемыми с русских поселенцев. Я уже упоминал о таких попытках, предпринимавшихся в XVII в. Постоянный дефицит средств в российской казне привел к тому, что царь в начале XVIII в. решился вновь сделать это, используя уже более жестокие методы. В целом это было проявлением той политики интеграции Башкирии в Россию, которая, начиная с 1700 г. нашла отражение в создании особой провинции, включавшей Уфимский, Бирский и Заинский (от реки Зай, в 80 верстах к юго-западу от Мензелинска) уезды, а также Табынск (на реке Белой, в 50 верстах севернее Стерлитамака), и управлявшейся казанским воеводой⁶³.

* * *

Башкирских повстанцев возглавили два батыра, по имени которых это движение и получило название – «восстание Алдара и Кусюма». Время для него было выбрано удачно, поскольку русское правительство в то время не могло принять такие же меры против бунтовщиков, как в 1662 и 1664 гг. Поэтому волнения продолжались вплоть до 1729 г. Я не буду пересказывать историю восстания, прерывавшегося на время переговоров, потому что оно почти не отличалось от других движений. Укажу только на его главные особенности. Прежде всего, башкиры вновь обратились к мусульманским народам с призывом к совместным действиям, о чем позже сообщал один из предводителей восстания 1735 г. Кильмяк, взятый в плен в 1737 г. На допросе 23 марта 1737 г. Кильмяк заявил, что в молодости, накануне восстания 1705 г., его послали в Крым, чтобы просить у татарского правителя дать башкирам хана⁶⁴. Это была новая форма «отказа» от власти русского царя. Миссия Кильмяка не увенчалась успехом. Однако башкиры сумели договориться со своими соседями-каракалпаками, кочевавшими к юго-востоку от среднего течения Яика и зависевшими от казахских орд. Откликнувшись на призыв башкир, они выступили против русского правительства.

И на этот раз власти смогли использовать своих интересах вражду калмыков к башкирам. Правительство дважды натравливало калмыков на Башкирию, что сопровождалось убийствами, погромами и захватом пленных, и помешало восставшим башкирам продвигаться на север. Вполне возможно, что если бы не было калмыков, то восстание вышло бы за пределы Поволжья. В 1707 г. русский полк численностью в 900 человек потерпел в степи серьезное поражение. Выступив из Уфы на соединение с шедшим ему навстречу отрядом из 770 всадников, он столкнулся с башкирскими повстанцами. Находившиеся в составе полка башкиры сразу же перешли на сторону своих единоверцев. Остатки правительственного отряда, пробыв десять дней в окружении, с трудом прорвали кольцо блока-

ды и отступили в Табынск, а 400 русских попали к башкирам в плен⁶⁵.

Это событие не сыграло большого значения в общероссийском плане, но для исследуемого мною региона его последствия были огромны. Быстрая кампания, оттеснившая башкирских партизан из окрестностей Казани и Уфы, не смогла компенсировать разгром русского отряда. Из-за войны со Швецией правительство не могло заботиться о спасении властей в отдаленных районах страны, бросив их на произвол судьбы. Поэтому Петр пошел на примирение с башкирами, пообещав им прощение. Комиссар Сергеев был объявлен виновником всех бед в крае и повешен в Казани. В регионе воцарилось спокойствие, но часть Башкирии вплоть до 1720 г. продолжала бунтовать. Итак, относительный успех башкир был обусловлен временным отсутствием у российских властей необходимых сил. Но когда Петр Великий одержал победу в Северной войне и стал могущественным правителем, он обратил взор на Азию. С этого времени отношения России с башкирами начинают резко меняться.

1720 г. – особая дата в истории исследуемого региона. В то самое время, когда царь послал на Средний Урал реорганизовывать старые казенные заводы и строить новые предприятия наделенного большими полномочиями Татищева, проблема беглых людей приобрела новую остроту. Для ее решения в Уфу был направлен с царской грамотой полковник, граф Иван Головкин⁶⁶. Грамота напоминала о событиях пятнадцатилетней давности – восстании башкир, мордвы, черемисов Уфимского и других уездов, убийствах и поджогах, в которых башкиры участвовали наряду с каракалпаками. Затем документ намекал на русских и нерусских беглых («иноверцев»), которые укрылись у башкир («...и тех беглецов вы к себе принимали...»). Башкирам было приказано передать их в руки русских чиновников, которые придут из Казани для проведения переписи башкирского населения. Более того, башкиры должны были ответить перед чиновниками за сокрытие беглых, наказать непокорных и поместить их под надежный караул. Грамота также требовала освобождения русских и нерусских пленных, захваченных башкирами.

Башкирские предводители подчинились тогда воле царя и с июня 1720 г. по март 1722 г. выдали ему около 5000 семей, то есть 20000 человек. Эта мера вновь привела к обезлюдению Башкирии и увеличила число жителей в северных районах (Казанский уезд и Средний Урал). Из-за малой плотности населения края она имела достаточно серьезные последствия для региона.

Но если проблему беглецов удалось, пусть и временно, урегулировать, то ситуация с выплатой налогов обстояла совсем иначе. Во время продолжавшегося длительное время восстания в Башки-

рии накопились большие долги по налогам. В период затишья, установившегося в крае в 20-е гг., доходы в казну от различных налогов поступали из рук вон плохо, так что уже к 1724 г. башкиры задолжали государству более 22000 руб.

Тем не менее, правительство предприняло ряд мер, направленных на примирение с башкирами. Указ от 4 июня 1722 г. уточнил, что налоговые чиновники не имеют права притеснять башкир Уфимской провинции, и угрожал санкциями тем фискальным агентам, которые будут совершать злоупотребления⁶⁷. Башкирская аристократия была тем посредником, через которого исполнялась воля российских властей. Упомянутый указ, отвечая на прошения сотника Араслана Бехметева и переводчика Куклина, извещает, что их жалование будет определено полковником Головкиным. Несмотря на эти меры, тяжесть ясака, а также вымогательства воевод вызвали новый отказ башкир от уплаты налогов, продолжавшийся до 1728 г. Поток переселенцев в Башкирию, одно время почти прекратившийся, теперь вновь возобновился. В 1720-1726 гг. на Среднем Урале продолжалось строительство казенных заводов. На 1726 и 1727 гг. пришелся пик массового бегства приписных крестьян. Таким образом, в момент, когда у правительства вновь возникли проблемы с взиманием ясака, Башкирия опять стала прибежищем для беглых, рискуя тем самым поставить под угрозу промышленное развитие Среднего Урала.

В то время Башкирия, принимая беглых людей, лишь косвенно влияла на жизнь Урала. На ее северных границах уже существовало несколько промышленных предприятий, в частности, Полевский медеплавильный завод, основанный в 1702 г. недалеко от истока Чусовой и сожженный башкирами 10 июня 1718 г.⁶⁸ Изыскатели полезных ископаемых, проникавшие на ее территорию, находили здесь (зачастую заново) залежи меди. Башкирия являла собой как бы продолжение Среднего Урала, край, готовящийся к промышленному развитию. Она постепенно входила в экономическую орбиту Урала.

Это очень важное обстоятельство имело целую цепь последствий. В первую очередь, изменились условия российского проникновения в Башкирию. Ведение разведки полезных ископаемых, планировавшееся строительство горных заводов, требовавших использования огромных лесных массивов, – все это нарушало башкирские вотчинные права. Речь теперь шла уже не о расселении на ограниченных территориях пришлых групп населения, деятельность которых почти не препятствовала ведению местными народами лесного и скотоводческого хозяйства, а о предоставлении в распоряжение промышленников десятков квадратных километров лесов

вокруг горных заводов. При этом ранее оговоренные права башкирских общин в расчет не принимались.

Нельзя, конечно, утверждать, что индустриализация Южного Урала началась с поправок прав башкир. Далее мы увидим, что она была запоздалой и после неудачной попытки, предпринятой в 1735 г.⁶⁹, вновь возобновилась спустя два десятилетия. В двадцатые же годы речь шла только о разведке полезных ископаемых. Однако в конце царствования Петра Великого были разработаны проекты, которые всерьез стали тревожить башкирских предводителей. Указом от 28 ноября 1720 г.⁷⁰ все железоделательные и медеплавильные заводы Уфимской провинции передавались в ведение Берг-коллегии⁷¹.

Этот указ запрещал башкирам даже в своих собственных владениях чинить препятствия поиску и добыче руды, а также мешать строительству горных заводов. Напротив, башкиры должны были всячески помогать представителям Берг-коллегии. Если башкир открывал месторождение руды, то он должен был информировать об этом горных чиновников, а те обязаны были вознаградить его на тех же условиях, что и русского. Указ заканчивается рекомендацией царским представителям не причинять никакого вреда башкирскому народу. Издание указа по всей видимости было вызвано трудностями, имевшими место в Уфимской провинции. Одна из его статей относилась к приписным крестьянам (в заголовке указа говорилось «об отдаче к тем заводам прежних приписных крестьян»). Таким образом, в указе не упоминалось о существовании в то время в Уфимской провинции заводов. Конечно, прилагательное «Уфимской» нужно понимать в очень широком смысле: указ применялся к предприятиям (Полевский завод) всей Башкирии, затронутых башкирским восстанием. Вероятно, речь в нем шла о ранее приписанных к другим заводам крестьянам (т.е. о беглых), которых планировалось навсегда передать в распоряжение предприятий в Уфимской провинции. Именно таков, видимо, был смысл этого указа.

Во-вторых, новая ситуация, сложившаяся в Башкирии, внесла изменения в вопрос о беглых. Без крестьянской рабочей силы заводы существовать не могли. Как только правительство стало планировать создание на Южном Урале медеплавильной промышленности, оно вынуждено было смягчить свою позицию по отношению к приписным крестьянам, бежавшим со Среднего Урала. Это изменение политики не сразу дало практический результат, так как в бассейне Белой еще не было заводов и в беглых здесь пока не нуждались. Но очевидно, что давление, оказываемое на башкирских предводителей с целью принудить их выдать приписных крестьян, теперь уже не было жестким, хотя в каждом указе требование выдачи беглых по-прежнему повторялось⁷².

Наконец, необходимость обеспечения безопасности промышленного района, который медленно расширялся на юг, породила план создания укрепленной линии вдоль Яика, в общих чертах набросанный Петром Великим в конце своего царствования. Амбиции царя распространялись, правда, за пределы края, к Средней Азии, от которой Башкирию отделяла враждебная степь. Но провал экспедиции Бековича, истребленной в Хиве в 1716 г., остановил брава поступь России в этом направлении. Русское правительство отныне перешло к оборонительной тактике по отношению к Средней Азии. Однако, чтобы помешать созданию какой-либо коалиции мусульманских народов, в которую могла бы войти Башкирия и чтобы еще более жестко контролировать башкир, оно разработало проект создания оборонительной линии вдоль Яика на двух его участках по направлениям «север-юг» и «восток-запад». Целью создания этой линии являлась окончательная изоляция Башкирии от южных степей и включение ее в систему обороны Российской империи.

До сих пор южная граница края защищалась казаками лишь на нижнем Яике. От Яицкого городка до Верхнеуральской крепости она практически не охранялась⁷³. Идея изоляции края от внешнего мира обрела вид непрерывной линии, состоящей из постов, бастионов и сторожевых вышек и опиравшейся на небольшие крепости по берегам Яика. Таким образом, была окончательно решена долго мучившая Россию проблема набегов кочевников на Башкирию. Кроме того, крепости могли стать местом торговли со степными народами и, следовательно, способствовали бы мирным и регулярным сношениям с ними. В крае наконец-то установилось настоящее «спокойствие».

Однако смерть Петра Великого не позволила немедленно приступить к осуществлению этого проекта. Башкирия была еще настолько нестабильным регионом, что о строительстве укрепленной линии по Яику (то есть за пределами Башкирии) можно было только мечтать. Все действия в этом направлении пока ограничивались укреплением Закамской линии, о чем свидетельствовал указ от 22 марта 1725 г.⁷⁴ о поставке свинца и пороха казакам на нижнем Яике. Он предписывал им построить в устье Самары крепость, предназначенную для защиты от враждебных набегов. Она должна была располагаться там, где сейчас находится Самара, то есть в начале Закамской оборонительной линии, которую башкиры пересекли за несколько лет до этого в ходе восстания, продвинувшись до окрестностей Казани. Однако строительство крепости, как и содержание дорог, которые протянулись через Башкирию к Яику, привели к введению для коренного населения принудительного труда. В ответ на это в 1728 г. башкиры послали делегацию от населения четырех дорог во главе с Яркеем Янчуриным, которая привезла в Москву

жалобы на злоупотребления воевод, на захваты земель и на принуждение местных жителей к тяжелым работам.

27 июля 1728 г. был подписан царский указ, который, частично удовлетворяя требования башкир, отделил Уфимскую провинцию от Казанской губернии, передав ее в прямое подчинение Сенату. Казанский губернатор сохранил в провинции лишь контроль над подушными налогами (преимущественно касавшимися русского населения), таможенными и кабацкими сборами⁷⁵.

31 июля 1728 г. был принят новый указ, более обстоятельный, чем предыдущий, и предназначенный для башкир четырех дорог, батыров и старшин. Он сообщал, что, кроме ясака, теперь не будет взиматься никакого другого налога, и что ясак, следуя древней традиции, можно отныне выплачивать по частям. Башкиры сами должны были выбрать его сборщиков, а служилые люди больше не станут вмешиваться в это дело. Если ясак не будет вовремя выплачен, то сборщики будут наказываться воеводой. В заключение указ напоминал об обязательстве не принимать беглых из русских, мордвы, чувашей, черемисов и других народов⁷⁶, а также выдать уфимскому воеводе тех, кто незаконно поселился в Башкирии⁷⁷.

Сведение налогов с башкир только к ясаку и поручение собирать его выбранным представителям означало возврат к прежней форме протектората, от которой царская администрация пыталась отказаться, заменив ее своим прямым правлением. Передача провинции Сенату преследовала цель искоренить злоупотребления и облегчить положение башкир. Лишение казанского губернатора власти над Башкирией, с одной стороны, означало ослабление влияния военных, а с другой, установление прямого контроля над администрацией края.

Несли ли указы 1728 г. облегчение для башкир? Конечно, в дополнение к принятым ранее мерам, башкиры были освобождены от военной службы, но это было проявлением растущего недоверия русского правительства к своей феодальной клиентуре. Башкиры жаловались главным образом на злоупотребления воевод и проникновение русских на их земли. Итак, по первому пункту, казалось бы, правительство пошло на уступки, освободив башкир от власти казанского губернатора, но эта реформа усилила позиции уфимского воеводы, над которым Сенат, по причине значительного территориального удаления, был неспособен осуществлять эффективный контроль. Что касается второго пункта, то решения правительства не могли ни помешать росту населения, ни, главное, остановить строительство горных заводов. В целом же указы 1728 г. свидетельствуют об одном: Башкирия с точки зрения экономики и политики стала столь важным регионом, что теперь российские власти постоянно держали его в центре своего внимания. Формальные послаб-

ления, предоставленные башкирам, скрывали становящиеся все более и более очевидными идеи интеграции края в империю, которые найдут свое воплощение в последующее время.

Глава III

КОНЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ БАШКИРИИ

(1730-1745 гг.)

Строительство защитной линии и первые попытки промышленного освоения края. – Башкирское восстание 1735-1736 гг. – Возобновление борьбы в 1740 г. – Поддержка башкир извне: Карасакал. – Последствия восстания: погромы и казни. – Проекты Кирилова. – Указ от 11 февраля 1736 г. – Переход от племенной волости к волости территориальной. – Ограничение независимости башкир. – Российская политика «разделяй и властвуй». – Конец периода российского протектората в Башкирии.

Строительство оборонительной линии в Башкирии и индустриализация края – эти два тесно связанных друг с другом мероприятия – были возобновлены после 1730 г. двумя наиболее выдающимися соратниками Петра Великого, И.К.Кириловым и В.Н.Татищевым.

В 1730 г. в Башкирии было тихо. Но русское правительство по-прежнему желало основать в среднем течении Яика укрепленную крепость, чтобы развивать нормальную торговлю России со степными народами. С этой целью русские начали переговоры с ханом казахской Малой Орды. Россия уже давно пыталась установить что-то вроде протектората над казахами, державшими, по выражению Кирилова, «ключи» от азиатских стран. Главную роль в реализации этого плана сыграл татарский мурза (князь) Алексей Тевкелев. Это был образованный туземец, перешедший на службу к России еще при жизни Петра Великого; во время войны с Персией Тевкелев состоял у русских переводчиком. Именно он рекомендовал царю подчинить казахов до начала вторжения России в Среднюю Азию, и Петр пообещал ему выплатить 1 млн. руб. (!), если тот сможет это осуществить. Следует отметить, что перспективы положительного решения этого вопроса из-за позиции казахской стороны в то время были достаточно туманны. Но в 1730 г. казахи, теснимые своими соседями джунгарами, сами обратились за помощью к Петербургу.

Тевкелев, находившийся в 1731-1733 гг. с официальной миссией у казахов, расхваливал им политические и коммерческие пре-

имущества российского протектората, который в конце концов был принят ими 10 июня 1734 г. Через 5 дней Кирилов, лоббировавший планы Тевкелева в Сенате, выехал из столицы во главе экспедиции, которой было поручено построить линию оборонительных крепостей и город-рынок на Яике⁷⁸. 10 ноября 1734 г. он прибыл в Уфу. В выданных Кирилову инструкциях говорилось, чтобы он «прилагал крайнее старание о сыске руд и минералов и о заведении заводов»⁷⁹, поэтому недалеко от Табынска (где в то же время шло строительство крепости) был заложен завод, на котором планировалось производить 5000 пудов (80 тонн) меди в год. Он должен был стать первым заводом, расположенным в самом сердце Башкирии, но достроить его не удалось.

В марте 1735 г., накануне отъезда Кирилова из Уфы, Башкирия восстала. Башкирские предводители изложили свои претензии в длинном прошении, поданном на имя Кирилова. В нем выражалось несогласие с планами постройки Оренбурга и крепостей на границе с казахами. Башкиры напомнили об обещаниях Ивана Грозного и заявили, что их предки приняли русское подданство на условиях сохранения вотчинного землевладения. Тем не менее русское правительство нарушило свои обещания; оно начало строить в Башкирии города, поселило здесь русских, ввело российские законы, подчинило башкир воеводам. Положение еще больше осложнилось при преемниках Ивана Грозного, когда десятки тысяч русских – дворян, крестьян, купцов и монахов – прибыли в Башкирию. Правительству было явно недостаточно того, что существуют Уфа, Бирск и Мензелинск: захватив башкирские земли, оно построило Бильярск, Заинск и Табынск. И вот опять думают строить новый город! Башкирский народ не позволит сделать этого – он будет защищать свои права ценой жизни, и поскольку русские отказались от своих обещаний, башкиры больше не могут признавать их царя в качестве своего господина⁸⁰.

Так в 1735 г. началось новое восстание, которое продолжалось до 1740 г. (с двумя периодами подъема – в 1735-1736 и 1740 гг.), а фактически – до 1742 г. Затишье в Башкирии наступило лишь с назначением на должность главы края Неплюева⁸¹, да и то после жестоких репрессий, имевших для башкирского народа тяжелые экономические и социальные последствия.

Башкирские предводители прекрасно понимали, что как только укрепленная линия перекроет границу Башкирии со степными народами, башкиры будут окружены стеной, которая окончательно изолирует их от еще сохранявших свою независимость единоверцев, и ничто больше не помешает массовой колонизации региона и ассимиляции его коренного населения. Привилегии, предоставленные русским правительством башкирским вождям, не столько осво-

бождали их от налогов, сколько укрепляли общественное положение, и не снимали угрозы нависшей над свободой и собственностью этой элиты. Среди тех, кто возглавлял новое восстание, мы находим и ранее известные имена (такие, как сын Кусюма Акай), и новых лиц, доселе не встречавшихся в источниках (Кильмяк Нурушев, Юсуп Арыков)⁸². Первоначально восстание представляло собой отдельные, не связанные друг с другом движения. Их объединял отказ от сюзеренитета, положивший начало переговорам с казахским предводителем Карасакалом, которому башкиры предложили стать ханом; это обстоятельство будет играть решающее значение в восстании вплоть до 1740 г.

О размахе движения можно судить по тем трудностям, с которыми столкнулся Кирилов при переходе к реке Орь. Выехав из Уфы, он не стал ждать прибытия обещанного ему отряда драгун и двинулся в путь, но оказался в самом центре восстания, не имея при этом достаточных военных сил. Поэтому лишь в начале августа 1735 г. он с большими трудностями прибыл на Яик. Ничто не могло заставить Кирилова отказаться от своих планов: 6 августа он торжественно основал Оренбург (ныне город Орск)⁸³. Однако это (как и попытка создания завода вблизи Табынска) был формальный акт. Оренбург пока еще не мог торговать с казахами. Гораздо большее значение имело строительство линии крепостей (впрочем, и Оренбург в то время являлся по большому счету всего лишь обычной крепостью) по среднему течению Яика, которое начал в 1736 г. Кирилов и затем продолжил Татищев. Но сначала нужно было подавить восстание, которое угрожало тылам будущей линии, мешало оказывать ей помощь и препятствовало снабжению крепостей продовольствием. О том, насколько серьезно башкирский мятеж нарушил правительственные коммуникации, свидетельствует такой факт: в ходе зимы 1735-1736 гг. значительная часть гарнизона Оренбурга (т.е. нынешнего Орска), примерно 800 человек, использовав все запасы продовольствия, была вынуждена покинуть город, дабы не погибнуть от голода, но во время перехода через восставшую Башкирию потеряла из-за ужасных морозов 2/3 своего состава.

Репрессии, проведение которых было поручено Тевкелеву, были чрезвычайно жестокими. По всей видимости, этот татарин, перешедший на русскую службу, не испытывал никаких угрызений совести, выполняя отданные ему приказы. Его солдаты сжигали деревни, истребляли мужчин, женщин и детей, а оставшихся в живых отдавали в качестве крепостных в центральные районы России, или отправляли в балтийские полки. Но эти крутые меры, на которых настаивал сторонник твердой линии Кирилов, не принесли ожидаемого эффекта. Напротив, они способствовали объединению ранее разрозненных очагов восстания. Лидеры башкир четырех дорог на

тайном совещании в небольшой деревушке Кубово решили создать единый фронт борьбы⁸⁴, что привело в 1736 г. к обострению ситуации в регионе. В декабре 1735 г. Кирилов, отбывший в Петербург для представления своих проектов освоения Башкирии государыне, убедил императрицу утвердить план полного истребления башкир, которому он стал следовать вплоть до своей смерти в апреле 1737 г.

Башкирское восстание 1736 г. имело два очага: главный был расположен на Ногайской дороге, в излучине Белой, меньший – севернее, вдоль Демы (левый приток Белой, впадающий в нее около города Уфы). Именно сюда 24 марта 1736 г. отправился со своими силами Кирилов. Здесь он сжег 200 деревень и самую главную мечеть в Башкирии (в Азиеве), которая служила местом сбора предводителей башкирских повстанцев⁸⁵. Но заболев, он в начале мая возвратился в Мензелинск, где приказал казнить 500 башкир, ранее взятых в плен. Однако, это ничего не дало – после ухода царских солдат башкиры, перегруппировав свои силы, вновь стали нападать на отдаленные крепости и лагеря, оставленные русскими. 28 июня генерал Румянцев отбил яростную атаку башкир на реке Кегуш, хотя между башкирами и яицкими казаками существовало соглашение о границе, проходящей по реке Ик. В июне выздоровевший Кирилов выступил во второй поход на Оренбург, тщетно пытаясь при этом окружить башкирских повстанцев с севера и с юга. Именно в ходе этой поездки он выбрал место для постройки крепостей Яицкой линии.

В это же самое время подполковник Аксаков и шедший вслед за ним генерал Румянцев вновь прошли к истоку Демы, истребляя тысячи башкир и сжигая сотни деревень. Однако ответственность за это не нужно возлагать исключительно на русских. Уступавшие русским по своей силе башкиры (они были вооружены саблями, луками и стрелами, огнестрельного оружия у них было мало) старались избегать прямых стычек с правительственными войсками; повстанцы отступали, оставляя после себя безжизненную пустыню и сжигая те деревни, жители которых не хотели к ним присоединяться. Но сожжение домов и запасов сена привело к тому, что башкиры были вынуждены перейти к кочеванию, которое зимой было здесь почти невозможным. Таким образом, если походы русских в Башкирию в теплое время года не могли нанести большого ущерба неуловимым отрядам повстанцев, то приближение зимы в этом разоренном войной крае заставило башкир пойти на переговоры: в октябре 1736 г. восстание стало угасать. Генерал Соймонов, незадолго до этого назначенный командиром всех русских сил в Башкирии, получил чудовищное указание ликвидировать восстание таким образом, «чтоб впредь не оказалось новых смут»⁸⁶. Прибыв на место, он застал

вверенный ему регион достаточно спокойным: все башкирские предводители были схвачены, большинство деревень сожжено, тысячи женщин и детей отданы в крепостные, более 500 башкир насильно забриты в солдаты. В результате в 1737 г. безопасность на дорогах, ведущих к строящимся яицким крепостям, вновь удалось восстановить, и теперь можно было опять торговать с южными кочевниками. Следовательно, политика усмирения башкир началась с приходом Татищева, который в течение двух лет пытался загнать башкирские племена в места их постоянного проживания.

После периода относительного спокойствия⁸⁷ восстание в 1740 г. вновь возобновилось. На этот раз в нем участвовала загадочная личность, которую башкиры признали своим господином. О Карасакале, их новом сюзерене, известно было мало – это был то ли казах из ханского рода, то ли простой башкир. Он был приятной внешности, искусно стрелял из лука, скакал на коне, владел арабским и языками народов Средней Азии, отличался красноречием, отвагой и хитростью, превосходно толковал Коран и пользовался уважением, ведя жизнь правоверного мусульманина. Имя Карасакала было окружено легендами: ему приписывали силу Геркулеса, способности чудотворца, он якобы ускользал от пуль и смог победить дьявола в виде гидры с тремя головами. Башкирский фольклор так прославлял его достоинства:

*Хан, хан Карасакал
Едет, смотрите!
В белой чалме, на черном коне;
Грозно он саблею машет
И громко правоверных скликает
Идти на врагов, идти против неверных⁸⁸.*

Будучи по натуре человеком осторожным, он говорил башкирам, что не может принять от них титул хана, не заслужив этой чести своими делами. Стремясь привлечь к себе сторонников, он утверждал, что турецкая армия, возглавляемая самим султаном (будто бы другом Карасакала), вот-вот выступит ему на помощь, а затем против русских поднимутся казахский и астраханский ханы, к которым присоединятся 20000 джунгар... Все это кружило головы башкирской молодежи.

Карасакал начал действовать еще при Кирилове, но лишь в 1739 г. он принял титул башкирского хана. На следующий год Карасакал возглавил новое восстание, которое было быстро подавлено властями. Новоявленный хан так и не пришел к Уфе, как его не просили об этом башкиры. Он ограничился действиями на Яике и Самаре и лишь один раз столкнулся с правительственными силами.

Потерпев от них поражение, он ушел к казахам, которые отказались выдать его России. С тех пор о Карасакале ничего не было слышно. Что касается Башкирии, то ее вскоре усмирил Урусов. Вторая волна террора унесла жизни 16000 человек, было разрушено 700 деревень, 3700 человек отданы в крепостные, 300 высекли кнутом и отрезали у них носы и уши. Кроме того, у башкир было отобрано 12000 лошадей, 6000 коров и овец. Эти данные позволяют оценить последствия военных действий в Башкирии для последующей истории башкирского народа. Русскому правительству больше не нужно было наказывать коренное население; вскоре восстание было ликвидировано, а разбежавшееся в ходе него башкирское население власти попытались вернуть обратно.

* * *

Башкирский бунт не смог помешать строительству укрепленной линии, которое завершит Неплюев. Еще Урусову было поручено упразднить Закамскую линию (кроме Самары, где предполагалось оставить часть войск), и перевести в Оренбург остатки ее гарнизона. Так возникли оренбургские казаки, которые получили особый статус указом Сената от 22 июля 1748 г., а официальное признание – в 1753 г.⁸⁹ Таким образом, граница Российской империи отодвинулась на 400 км, и в течение последующих ста лет проходила по течению Яика (Урала), в непосредственной близости от Средней Азии.

Внутри исследуемого мною региона царила разруха и много башкир было истреблено. Табынский завод, несмотря на защиту расположенной рядом крепости, башкиры разрушили еще до его пуска. Промышленное освоение региона возобновилось в 1745 г., причем первый успех в этом деле пришел только через 10 лет. Война в Башкирии привела к упадку экономики региона, одновременно создав более благоприятные условия для русской колонизации края, поскольку башкирский народ больше был не опасен. Следует, впрочем, отметить, что, начав в 1735 г. бороться с восстанием, русское правительство одновременно внесло радикальные изменения в свою политику в Башкирии. Теперь Россия взяла курс на интеграцию края в своем составе, что должно было привести к началу прямой эксплуатации Башкирии русскими.

Стремясь защитить коренное население от злоупотреблений чиновников, указ от 31 мая 1735 г.⁹⁰ разрешил башкирам рассматривать мелкие дела в своих шариатских судах. Одновременно правительство начало перепись всех переселенцев. Именно к этому времени относится начало составления реестров тептярей и бобылей. Целью переписи было обложить эти категории населения особым налогом. Результат же получился неожиданный: для того чтобы избежать налога, большинство тептярей и даже православные (пе-

рейдя при этом в ислам) объявили себя башкирами. Это приняло такой размах, что правительство после принятия указа от 11 февраля 1736 г. (о нем я скажу далее) вынуждено было ввести весьма суровые наказания за переход в неправославную веру. Но учет тептярей и бобылей был лишь первым шагом к всеобщей переписи населения региона, предпринятой Кириловым после его прибытия в Уфу. Кирилов воспользовался переписью тептярей и бобылей для составления списка башкирских племен по дорогам и волостям, отделив плательщиков ясака (ясашных) от тарханов, которые были от него освобождены⁹¹. Сведения Кирилова весьма приблизительны и даже не позволяют установить точное число башкирского народа, но, тем не менее, они дают общее представление о социальном устройстве башкир. Проведением этой переписи башкиры были очень недовольны.

Бушевавшее в крае восстание породило крупномасштабный план реорганизации Башкирии, представленный Кириловым императрице в декабре 1735 г., легший в основу большинства позднейших решений. Характеризуя этот документ, следует, прежде всего, обратить внимание на силовые меры, с помощью которых Кирилов пытался изолировать башкирский народ от соседей, разрушить его феодальную структуру и отменить все налоговые привилегии. Кирилов предлагал ввести контроль за браками между башкирами и казанскими татарами, передать в полную собственность мещеракам, тептярям и бобылям башкирские земли, которые они до этого арендовали, отменить привилегии тарханов (таким образом Кирилов выделил тех, кто не являлся надежной опорой России) и обложить ясаком всех без исключения башкир. По башкирской аристократии нанесли теперь двойной удар: во-первых, аграрная реформа отби-рала у нее часть владений, и, во-вторых, она лишалась всех налоговых льгот⁹².

В предложениях Кирилова просматривается сильное стремление окончательно уничтожить башкирскую элиту⁹³. С этой целью он предлагал установить в Башкирии прямое российское правление и ликвидировать власть тарханов и других крупных феодалов. Кирилов считал целесообразным запретить башкирам заниматься кузнечным делом и назначить в каждую волость двух или трех старшин, ответственных за порядок в вверенных им владениях *непосредственно* перед русской администрацией. Эта привилегия, которой ранее обладали тарханы, теперь должна была перейти к средней социальной прослойке башкир, менее влиятельной, но более зависимой от воевод. Ответственность за сбор ясака планировалось возложить на специально назначенных для этого должностных лиц. Наконец, число ахунов (религиозные лидеры, игравшие важнейшую роль в восстаниях) должны были быть сокращены: на каж-

дую дорогу предполагалось назначать (а не выбирать, как ранее) по одному ахуну, который не мог без специального разрешения строить мечети и школы.

Кирилов рекомендовал также строить в местах сосредоточения башкирских деревень небольшие городки, и, главное, предлагал разрешить покупку башкирских земель всем желающим. В целом эти планы отражали точку зрения тех правительственных кругов, которые были сторонниками силового решения башкирского вопроса, и они лишь частично вошли в тексты указов от 11 февраля 1736 г. и 24 февраля 1738 г., изменивших управление Башкирией.

Главные принципы нового устройства края были изложены в указе от 11 февраля 1736 г.⁹⁴ Он содержал 33 пункта, причем пункт 16 являлся, несомненно, самым важным. Этим указом отменялись предыдущие запреты, касающиеся покупки башкирских земель; отныне разрешалось это делать «дворянам и офицерам и мещерякам». Что касается аналогичного разрешения для тептярей и бобылей, то указ поручал решить этот вопрос местным властям (то есть главе Оренбургской экспедиции Кирилову). Указ от 11 февраля 1736 г. положил «начало свободной колонизации»⁹⁵. Он был дополнен указом от 20 августа 1739 г.⁹⁶, который, закрепляя права пришлых народов, поселившихся на башкирских землях, одновременно угрожал суровыми санкциями тем, кто будет притеснять башкир.

Указ от 11 февраля, который претворил в жизнь самые смелые мечты Кирилова, освобождал тептярей и бобылей, «давно» поселившихся в Башкирии, от арендной платы, которую они платили своим хозяевам (пункт 2 указа), и, следовательно, предоставлял им в полную собственность земли, которые они обрабатывали. Тептяри и бобыли, конечно, продолжали платить русским ясак. Но они теперь делились на тех, кто участвовал в восстании и тех, кто этого не делал; в первом случае к ясаку добавлялся натуральный налог рожью или овсом.

Русское правительство, освобождая зависимые от башкир категории населения, умело разжигало классовую вражду, увеличивая число своих сторонников и ослабляя экономическую мощь башкирских феодалов. Тот же указ предоставлял в полную собственность служилых мещеряков земли, конфискованные у вождей восставших башкир. Но это была не просто передача земли из одних рук в другие. Правительство, в силу известных причин, не хотело сохранять у нерусских народов края крупную собственность. Вот почему указ определил пределы земельных владений, которые могли иметь носители того или иного социального статуса: старшины мещеряков получали 200 четвертей земли, сотники – 100 четвертей; рядовые мещеряки – 50 четвертей, но, по всей видимости, распределение земли так никогда и не было закончено.

Благосклонность к мещерякам, тептярям и бобылям была, как мы увидим далее, вынужденной. Русские власти не желали заселять Башкирию неславянскими элементами. Второй пункт указа от 11 февраля угрожал жестокими наказаниями тем, кто не будет сообщать о новых нерусских переселенцах. Такие угрозы раздавались и раньше, но теперь, в 1736 г., они были куда более эффективными, ведь именно в это время в крае впервые провели перепись всего населения и ввели почти прямой режим управления башкирами, игнорирующий их аристократию.

Теперь власть тарханов оказалась сильно подорванной. До сих пор только они являлись посредниками между русской администрацией и башкирским народом. Правительство, однако, не пошло на упразднение этого звания, как того хотел Кирилов, но отныне – и здесь вновь следовали кириловскому проекту – башкиры стали управляться старшинами (из расчета по 2-3 на 1 волость), непосредственно подчиненными воеводе (пункт 13 рассматриваемого указа). Должность «главного старшины», которую часто имели тарханы, отныне теряла свое значение⁹⁷. Старшины, выбиравшиеся (впрочем, всего лишь на один год) теперь из средних социальных слоев, становились отныне марионетками русских властей⁹⁸.

Таким образом, мы видим, что правительство пыталось ослабить власть башкирских предводителей, перераспределив ее среди широких слоев элиты. Недоверие по отношению к феодальным вождям проявилось также в мерах, коснувшихся общих собраний башкир. Их теперь разрешалось проводить один раз в год, в течение 1 дня, и в определенном месте (поблизости от реки Чесноковки, в 10 верстах от Уфы) (пункт 13)⁹⁹. Наконец, за мусульманским духовенством устанавливалось пристальное наблюдение. Правительство не стало вводить, как того хотел Кирилов, практику назначения ахунов русскими властями, сохранив прежнюю выборную систему, сократив, однако, их число до 4 (пункт 14) – по числу дорог Башкирии. Ахунам запретили принимать в мусульманскую веру приверженцев других конфессий, а для строительства мечетей и школ теперь требовалось специальное разрешение. Кроме того, они обязаны были сообщать властям обо всех готовящихся антирусских действиях. Другие предложения Кирилова были воспроизведены в указе без изменений, в частности, разоружение башкир, запрет им иметь кузницы в деревнях (пункт 4), и необходимость получения разрешения на брак между башкирами и татарами (пункт 15).

Итак, указ от 11 февраля 1736 г. положил конец эпохе протектората. Однако быстрой интеграции башкир в состав Российской империи препятствовал их полукочевой образ жизни. Башкирская волость все еще оставалась племенной; постоянные передвижения племен затрудняли исполнение законов. Нельзя было, в частности,

пресекать сговоры башкирских предводителей, поскольку на летних кочевках они могли свободно общаться друг с другом. Также невозможно было точно учесть население, которое постоянно передвигалось. Вот почему 24 февраля 1738 г. Оренбургская комиссия решила разделить Башкирию на территориальные волости, состоявшие из 200-500 дворов¹⁰⁰.

Эта мера не имела большого значения для полукочевых северных башкир. В основном волости создавались из зимних поселений башкир, что должно было привести этот народ к оседлости. Понятно, что указ не мог за один день изменить социальную структуру башкирского общества. Башкиры, приписанные к такой территориальной волости, одновременно входили и в несколько племенных волостей, а башкиры, принадлежавшие к одному племени, оказывались рассредоточенными по нескольким территориальным волостям. В итоге две административные системы наложились друг на друга, а число лиц, представлявших башкирский народ перед русскими властями, увеличилось. Главные старшины вновь заняли свои должности в территориальных волостях (тарханам эти посты предоставлялись теперь реже), и одновременно там возникли структуры, возглавляемые старшинами, представлявшими социальные организмы, проживавшие зимой в данной территориальной волости, но принадлежавшие различным племенам. Административное устройство башкир, введенное в 1736 г., сохранялось в течение всего XVIII в. При этом территориальная раздробленность не препятствовала взаимодействию главных старшин такой волости со старшинами других, часто очень далеких, волостей, подобно тому, как тарханы, ослабленные политически и потерявшие всякую власть над старшинами, сохраняли между собой тесные социальные связи. Эта устойчивость традиционных связей, существовавшая несмотря на интеграционные меры, предпринятые русским правительством, блестяще проявила себя во время восстания 1755 г.

Глава IV

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И ПОСЛЕДНИЙ ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В БАШКИРИИ (1745-1762 гг.)

Появление горных заводов и изъятие башкирских земель. – Завершение строительства защитных линий и тяжесть поборов с населения. – Стремительный рост русской колонизации. Объединение местного нерусского населения против России. – Соляной вопрос и указ от 16 марта 1754 г. – Политика насильственной христианизации. – Восстание 1755 г. как последний подъем на-

ционального и религиозного движения в крае. – Батырша. – Попытки объединения башкир с мусульманскими народами. – Крах попыток развязывания священной войны. – Место восстания 1755 г. в общеуральском бунте. – Истребление башкир.

Восстание 1735-1740 гг. на несколько лет отсрочило начало индустриализации¹⁰¹ Башкирии, которая развернулась из-за этого чуть позже, в 1745 г. Можно считать, что в какой-то степени этот бунт прервал поступательный ход истории Южного Урала. Башкиры, жестоко наказанные после подавления восстания, не могли больше противостоять строительству горных заводов, поглощавшему значительные пространства их земель.

Следует заметить, что землю передавали заводовладельцам на основании юридических документов. Башкиры соглашались продавать землю лишь при условии частичного сохранения своих прав на ее использование. Именно таким образом башкиры Каратабынской и Баратабынской волостей, оформив в Оренбургской губернской канцелярии соглашение, уступили 28 ноября 1751 г. тульским заводчикам братьям Мосоловым (Масаловым) земли, протянувшиеся на 3 версты по обеим берегам Миасса (речь идет о верхнем Миассе, выше озера Аргаз), «с реками, рыбными угодьями, пастбищами, лесами и угодьями хмеля»¹⁰². Но как видно из нового соглашения от 10 сентября 1775 г. (с преемником Мосолова Лугининым), башкиры-скотоводы сохранили свое право кочевать на проданных землях, за исключением земель вокруг озер (например, упомянутого озера Аргаз), а оседлые башкиры – эксплуатировать луга, леса и рыбные угодья¹⁰³, т.е. продажа представляла собой как бы бессрочную аренду¹⁰⁴, за которую башкирам ежегодно платили небольшую сумму. Так, Авзяно-Петровский и Кагинский заводы владели 180000 десятин (свыше 130000 га) земли, выплачивая башкирам по 20 руб. в год, Преображенский – 100000 десятин за 100 руб.¹⁰⁵ Несмотря на то, что стоимость аренды порой могла значительно варьироваться, она все равно оставалась очень низкой.

Башкиры, сохраняя права на пользование землями, что было им необходимо для существования, кажется, не возмущались незначительным размером арендной платы. По условиям соглашений заводовладельцам переходили в пользование обширные лесные массивы, которые на долгое время могли обеспечить функционирование промышленных предприятий. Первое время индустриальная деятельность почти не оказывала влияния на башкир, промышлявших охотой, сбором меда и хмеля. Положение стало меняться лишь после того, как горные заводы поглотили в своих печах значительную часть лесов Башкирии. Домны пожирали лес гораздо быстрее, чем он восстанавливался. Когда стало ясно, что лесные ресурсы

края все же имеют предел, заводовладельцы пересмотрели права башкир. Впрочем, последние не чувствовали себя связанными соглашениями, которые сохраняли им права на пользование большинством уже проданной земли и поэтому часто захватывали уголья в заповедных зонах, порождая тем самым конфликты. Тем не менее, именно тогда, когда права башкир стали ущемляться, этот народ, не имевший никаких возможностей защищать себя перед лицом российских законов, остро почувствовал себя угнетенным. В текст соглашений часто включались обязанности башкир платить за издержки: например, в акте продажи, упомянутом выше, говорилось, что в случае нарушения башкирами соглашения они должны будут выплатить Мосолову компенсацию в тройном размере от понесенного ущерба.

Необходимо обратить особое внимание на то, что заводы со временем превращались в некое подобие города – с собственной церковью, часто со своей школой (грамотные люди были необходимы для контор), с полицией, пожарной службой, огороженными заборами избами рабочих семей, иногда с бараками, в которых ютились временные работники и холостяки¹⁰⁶. Заводы, таким образом, прекрасно приспособились к местным условиям. Что касается снабжения промышленных предприятий продовольствием, то на севере Башкирии его привозили с других мест; в более плодородных районах Южного Урала ситуация была иная. Крестьяне, как проданные (или переданные) заводовладельцам, так и самовольно переселившиеся поближе к заводу, получили покинутые башкирами земли. Деятельность этих крестьян была связана не только с заводом, и не всегда проходила в непосредственной близости от него. Кроме вспомогательных работ (рубка леса, углежжение, извоз), которые вынуждали их уходить далеко от своего дома, они занимались еще промыслами (охотой, рыболовством, собирательством), что превращало их в прямых конкурентов башкир. Таким образом, каковы бы прекрасными не были условия заключенных с башкирами соглашений, горные заводы все же способствовали постепенному вытеснению этого этноса с его территории.

Однако не нужно судить о размахе индустрии в крае исходя только из численности заводов. Приводимая ниже таблица показывает, что на Южном Урале до восстания 1755 г. почти не было промышленных предприятий:

Дата пуска завода	Название завода	Специализация завода
1745 г.	Воскресенский	Медеплавильный
1747 г.	Нязе-Петровский	Железоделательный

1750 г.	Преображенский	Медеплавильный
1751 г.	Каноникольский	
1752 г.	Богоявленский	
	Архангельский	
	Троицкий Верхний	
1753 г.	Авзяно-Петровский Верхний	Железодельный
1754 г.	Архангельский (Шаранский)	Медеплавильный
1755 г.	Покровский	
	Вознесенский	
1757 г.	Благовещенский	
1759 г.	Верхоторский	
1761 г.	Златоустовский	Железодельный

Сюда же следует добавить и предприятия Исетской провинции:

Дата основания завода	Название завода	Специализация завода
1749 г.	Каслинский	Железодельный, медеплавильный
1757 г.	Кыштымские верхний и нижний	Железодельные

Но, несмотря на то, что заводов, использовавших залежи руды (иногда располагавшиеся весьма далеко от предприятия, как, например, Каргалинские рудники) и леса на десятки верст вокруг, было мало, они, будучи связанными водными путями, в конечном счете, изменили облик края. Даже то, что горные заводы были рассыпаны по всему Уралу, не помешало распространению их влияния на Башкирию. Хотя российское законодательство предписывало властям дружелюбно относиться к местному населению и не посягать на его традиционные права (к тому же признанные при оформлении соглашений о продаже земель), развитие промышленности в крае, в силу специфики функционирования самой этой отрасли, привело к фактическому ограничению свободы башкир.

Информация о напряженности в крае редко доходила до столицы. Донесения, посылаемые руководителями на местах, были полны оптимизма, в духе документа (который, правда, относится к более позднему времени), приводимого В.Н.Витевским: «Здесь крепко наблюдается, дабы заводчики с ними, башкирцами, порядочно поступали, и без договора с ними лесом и никакими угодьями не пользовались, и так оное здесь порядочно происходит, что от башкирцев никаких жалоб, и от заводчиков неудовольствия не было»¹⁰⁷. На самом деле, конфликты в крае были всегда, и радужные заверения властей лишь маскировали усиливавшиеся протесты башкир в связи с проникновением сюда русской промышленности. Таким об-

разом, русское правительство накануне такого серьезного события, каким было восстание 1755 г., оказалось к нему неподготовленным.

Миф о благополучии в регионе поддерживали также его «оборонительные линии», построенные в 1735 г. Но думается, что укрепленная линия, спроектированная Татищевым, существовала до Неплюева лишь на бумаге. Полагаю, что в то время в крае имелось лишь несколько одиночных крепостей. В 1742 г. «на громадном пространстве от Каспийского моря до Аральского и от Оренбурга (нынешнего Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрепленного пункта; самый Оренбург, кроме командирского дома, состоял исключительно из бедных землянок; крепость была окружена плетнем, находившимся наверху земного вала, и охранялась небольшим гарнизоном...»¹⁰⁸. Единственной крепостью в регионе оставался Яицкий городок (сегодняшний Уральск). Конечно, нужно учитывать ту очевидную симпатию, которую В.Н.Витевский испытывал к Неплюеву, в силу этого преувеличивая значимость его деяний. При чтении труда В.Н.Витевского может сложиться впечатление, что до 1742 г. на Южном Урале, до появления в крае человека, ставшего впоследствии первым оренбургским губернатором, не было ничего. Хотя, конечно, следует все же признать, что строительство большинства крепостей на линии, как, впрочем, и основание Оренбурга на месте его нынешнего расположения действительно были заслугой Неплюева. Таким образом, начиная с 1742 г., башкир чаще стали привлекать к строительству укреплений, что стало для них еще одной обузой.

Кроме того, активизация действий России в регионе привела к тому, что переводя во вновь построенные крепости казаков из Самары и Уфы для них вновь скупали и изымали земли¹⁰⁹. И, наконец, при Неплюеве в Башкирии была создана почта. Это было сделано для того, чтобы положить конец изоляции яицких крепостей и заводов, расположенных в бассейне Белой. Новая служба была создана 17 марта 1750 г. по решению Оренбургской канцелярии. Отныне Южный Урал и Исетская провинция вошли в единую почтовую систему империи. Однако эта инициатива властей легла тяжелым бременем на нерусское население, на которое теперь было возложено содержание почтовых станций. Насколько башкиры были недовольны этим не приносящим им никакой выгоды занятием, свидетельствует то, что в 1755 г. восстание башкир Исетской провинции началось с разрушения Троицкого почтового тракта¹¹⁰, отнюдь не вызванного военными причинами.

Таким образом, 1750-е гг. – это время всеобщего российского проникновения в регион, которое, в частности, характеризовалось увеличением доли русских в составе населения края. Я уже приводил сведения по общей численности башкир, которые, несомненно,

не намного изменились по сравнению с началом XVIII в. Наиболее убедительные из известных мне данных содержатся в донесении вице-губернатора Уфы, полковника Люткина в 1754 г.¹¹¹ Он оценивал население одной только Уфимской провинции (включая войска) в 412000 человек. При этом русские уже составляли в ней более 75000 человек, то есть 18%. Полковник Люткин насчитывал в крае 324 села и деревни (как русских, так и пришлых народов), а также несколько крепостей (среди них есть весьма крупные: Нагайбак – 500 жителей, Табынск – 320 жителей, Красноуфимск – 312 жителей), и пять «городов» (Уфа – 3728 человек, Мензелинск – 1200 человек, Бирск – 1021, Оса – 920, Заинск – 200), в которых в основном проживали русские. В общей сложности, по данным П.И.Рычкова, в Оренбургской губернии в 1762 г. русских насчитывалось 200000 человек¹¹². Это, конечно, очень мало, если рассматривать всю Башкирию, но нужно иметь в виду, что оседлое население было преимущественно сосредоточено здесь на самых плодородных землях, распаханых в раскорчеванных лесах, а также вдоль дорог, связывавших край с остальным миром. Сеть населенных пунктов уже была настолько развита в 1750-е гг., что проблема отношений между русским и башкирами для большинства населения стояла теперь не только в административной и политической плоскости. Отныне само существование башкир оказалось под угрозой.

Теперь постараемся выяснить, могло ли русское правительство видеть в нерусском населении, которому оно предоставило некоторые привилегии, свою опору в крае? Даже поверхностный анализ ситуации периода 1745-1755 гг. свидетельствует, что к началу восстания 1755 г. в среде нерусских переселенцев возникли объединившие их антирусские настроения. С одной стороны, мишари, тептяри и бобыли не получили, несмотря на указ 1736 г., тех выгод, которых они ожидали от своего сотрудничества с русским правительством; с другой – рост налогов в период правления Неплюева все больше и больше ухудшал их жизнь.

Если взять, например, 1745 г., то обязанности нерусского населения в Башкирии в то время были таковы¹¹³: башкиры, обложенные ясаком, должны поставлять 1000 человек для крепостей региона, и бесплатно перевозить проезжающих чиновников (это обязанность будет заменена в 1750 г. требованием содержать почтовые тракты), а освобожденные от ясака тарханы снаряжали 280 человек на военную службу; что касается мишарей, также свободных от уплаты ясака, то они должны были нести службу, как и башкиры, и поставлять около 200 человек для обеспечения охраны рубежей Оренбургской линии¹¹⁴. Чтобы компенсировать мишарям потери, понесенные ими в результате восстания 1735 г., и, особенно, чтобы не допустить их объединения с башкирами, им – как я уже отмечал

– были переданы в башкирские земли, которые до этого мишари арендовали. Но, вероятно, их не удовлетворили итоги раздела земли или распределение ее не всегда было проведено удачно¹¹⁵. Как бы то ни было, мишари жаловались, что указ 1736 г. во многом так и остался на бумаге. Кроме того, получение мишарями башкирских земель не привело к долговременному улучшению ситуации, т.к., начиная с 1747 г. они были обложены, как и башкиры, денежным ясаком по 25 коп. с каждого двора.

По указу 1736 г. тептяри и бобыли также получили башкирские земли в полную собственность. Тем не менее, они по-прежнему должны были платить ясак размером в 49 коп. (в действительности, в зависимости от обстоятельств, он составлял 24-29 коп.), и отправлять каждое лето 700 человек на строительство крепостей¹¹⁶. Но хотя сегодня мы не можем представить себе во всех подробностях, как шла реализация указа 1736 г., создается впечатление, что привилегии, которыми должны были пользоваться тептяри и бобыли, все еще не были им предоставлены. Они жаловались, что получили лишь часть обрабатываемых ими земель, причем отнюдь не самую лучшую. Тептяри и бобыли, как и раньше, продолжали платить оброк башкирам. Вероятно, указ 1736 г. был для русского правительства вынужденной мерой, и как только башкиры были усмирены, власти не стали следить за его строгим выполнением.

В 1747 г. налоги с тептярей и бобылей были резко увеличены. Мишари были вновь уравнены с башкирами в отношении выплаты ясака, а тептярей и бобылей обложили налогами, сумма которых возросла с 49 до 80 коп., и которые отныне собирались не «со двора», а «с души»¹¹⁷. Эта цифра кажется незначительной лишь на первый взгляд. Если взять для сравнения тарифы оплаты труда на заводе, то эти налоги, внезапно выросшие в 8 раз (будем условно считать, что один двор состоял из 4 душ), составляли примерно месячную зарплату одного рабочего. Правда, некоторые башкиры, заменяя на вспомогательных работах приписных крестьян, получали за это от последних плату, которая иногда вдвое превышала размер заводского заработка; для таких башкир уплата налогов не составляла особого труда, но их было мало, и резкое повышение налогов ухудшило положение всего нерусского населения.

Новый размер налога просуществовал до 1754 г., когда русское правительство предприняло шаги, которые стали определяющей, если не основной причиной восстания 1755 г. Именно в тот год ясак был отменен у всех нерусских народов Башкирии, но указом Сената от 16 марта 1754 г. они стали обязанными покупать в казне соль (в которой остро нуждались) из расчета 35 коп. за пуд. До сих пор башкиры свободно добывали соль в районе Илека. Указ 1754 г. не только сильно изменил привычный им образ жизни – покупка со-

ли была тяжелее уплаты ясака. Основываясь на данных В.Н.Витевского, А.П.Чулошников утверждает, что покупка соли башкирами приносила казне ежегодно 15000-16000 руб., тогда как сбор ясака давал ей лишь 4932 рубля 65 $\frac{1}{2}$ коп.¹¹⁸ Чтобы оценить это увеличение налогов, необходимо знать, была ли добыча соли действительно свободной до 1754 г., или же она находилась в руках отдельных групп башкир или даже башкирских торговцев. В последнем случае, с учетом расходов на добычу соли и прибыли от ее продажи, новый налог вряд ли превышал в три раза прежний ясак, но от этого он не был легким. Нововведение, очень прибыльное для властей, немедленно вызвало протест у башкирского населения.

Указ от 16 марта 1754 г. обозначил начало эпохи интеграции края в состав России, первой ласточкой которой стал переход от ясака натурой к денежному налогу. С огромной настойчивостью действовали теперь в регионе (колониальный характер которого уменьшался день ото дня) ранее созданные здесь учреждения. Присутствие все более увеличивавшегося числа русских поселенцев, а также географическое соседство России толкали Башкирию на путь, весьма отличный от того, который можно наблюдать у заморских колоний западноевропейских государств. На исследуемой мною территории разыгралась драма истории башкирского народа, который хотя и очень отличался от своих соседей этническими признаками, языком и религией (в силу чего сохранял свою самобытность), но проживал слишком близко от России и был чрезмерно насыщен русскими переселенцами. Поэтому он не смог избежать постепенной ассимиляции, однако относительно высокая численность башкир замедлила этот процесс.

В качестве примера для сравнения приведем живших на Северном Урале вогулов. Находясь в сходных условиях с башкирами, но будучи малочисленными, они практически обрусели уже в конце XVIII в.¹¹⁹ Башкиры же сохранили свою самобытность. Главной причиной этого была их религия. Контакты башкир с тюркскими народами степей и Средней Азии, а также с крымскими ханами позволяли им иметь у себя духовенство, обеспечивать религиозное образование и поддерживать в отношении неверных, которые были, кроме того, их покорителями, чувства вражды и подозрительности. С этим явлением постоянно сталкивался интеграционный курс русских властей, которые как раз до 1750-х гг. проводили массовую кампанию по обращению нерусских народов региона в православие. Результаты этой целенаправленной политики хорошо видно на примере поволжских мусульман. К сожалению, из-за отсутствия источников мы гораздо меньше знаем о ее последствиях в Башкирии. Однако отдельные свидетельства позволяют предполагать наличие крутых

административных мер, с помощью которых православие пыталось утвердиться среди других конфессий.

Центром политики христианизации стала Нагайбацкая крепость (на реке Ик, равноудаленная от Мензелинска и Белебея)¹²⁰. Свидетельства о злоупотреблениях митрополита Сильвестра в Исетской провинции раскрывают некоторые аспекты политики насильственного крещения¹²¹. Указом от 20 февраля 1744 г. запрещалось строительство мечетей рядом с новообращенными деревнями¹²². Однако жалобы по этому поводу муллы Батырши, одного из религиозных предводителей повстанцев, были во многом надуманы. Тем не менее, к 1750 г. борьба с исламом, который был единственной защитой башкирского народа, приняла в Башкирии огромный размах.

Таким образом, история Башкирии в 1745-1755 гг. была насыщена многочисленными акциями протеста. Новые тяготы и административные действия Неплюева вновь породили бунт. Указ 1754 г. о покупке соли воспламенил край. Но при рассмотрении этого восстания нужно, вероятно, уделить особое внимание и религиозному фактору. Это позволит шире показать национальный подъем башкир в 1755 г. Муллы из поволжских татар – более высокоразвитого этноса, чем башкиры – сыграли большую роль в начале восстания, попытавшись использовать башкир для защиты ислама и, может быть, для реализации своих сепаратистских планов¹²³. Движение 1755 г. было и национальным и религиозным одновременно.

* * *

Причинами восстания 1755 г. были, с одной стороны, призывы Батырши, пытавшегося объединить всех местных мусульман против неверных русских, а с другой – недовольство, вызванное увеличением налогового бремени.

Батырша (род. ок. 1710-1716 гг.) достаточно долгое время учился у татарского муллы¹²⁴, содержавшего знаменитую мечеть в районе Бугульмы. В 1746-1749 гг. он проповедовал ислам в Исетской провинции, затем провел 6 лет у башкир Сибирской дороги, где учительствовал в своем собственном медресе. Батырша был хорошо образован и умен; в Башкирии он считался непререкаемым авторитетом во всех вопросах, связанных с исламом. По всей видимости, в 1750-е гг. он стал придавать своему преподаванию антирусскую окраску, и, следовательно, – с точки зрения правительства – замышлять заговор. Постепенно он пришел к мысли о необходимости развертывания священной войны мусульман против русских, воспользовавшись для ее подготовки теми трудностями, с которыми в то время столкнулась Россия: на Среднем Урале происходили волнения среди приписных крестьян, беспорядки должны были вот-

вот начаться и на нескольких новых горных заводах Южного Урала. Социальный кризис, который усилился в это время, породил у некоторых деятелей уверенность в близком конце русского могущества. Грандиозные замыслы Батырши нельзя объяснить иначе, как верой в эту иллюзию.

Таким образом, на мой взгляд, эти события дали поволжским мусульманам, подвергавшихся с 1740-х гг. широкомасштабному насильственному крещению, возможность реванша. Христианизация успешно шла у марийцев, мордвы и чувашей, но натолкнулась на сопротивление татар и башкир: за 13 месяцев (весь 1741 г. и январь 1742 г.) в Казанской губернии приняли православие 9159 человек, но среди них было лишь 143 татарина и башкира¹²⁵. Правительство, как я уже писал, попыталось ослабить ислам, запретив строить мечети. Оно даже приказало разрушить недавно возведенные мусульманские храмы, которые находились вблизи мест проживания новообращенных семей. Всего было уничтожено 418 мечетей из 536, имевшихся в Казанской губернии¹²⁶. Воспользовавшись этим, религиозные лидеры мусульман призвали к священной войне с русскими и создали вокруг себя ореол мучеников. Но об их больших заслугах по формированию общественного мнения населения, и в начале восстания, когда требовалось создать скрепленный Кораном союз разнородных и часто враждебных друг другу национальных и социальных элементов, быстро забыли. Даже деятельность Батырши не принесла ощутимого эффекта. Как только положение северо-западных башкир, наиболее пострадавших от действий правительственных войск, ухудшилось, Батырша ушел с учениками в леса, откуда наблюдал за дальнейшим развитием событий.

Призывы Батырши, по крайней мере в начале, стали идейным фундаментом восстания, вспыхнувшего в мае 1755 г. Правда, о всеобщем восстании говорить не приходится: в мае 1755 г. поднялись исетские башкиры, но были быстро и беспощадно подавлены, а в августе более массовое выступление произошло в верховьях Белой. Однако везде башкиры отказывались от службы, работ и убежали. Поясню читателю, что в начале лета башкир, тептярей и бобылей направляли на земляные работы, строительство крепостей, перевозку грузов, продовольствия и товаров, сенокос, а служилые башкиры и мишари шли охранять крепости Яицкой линии. Поэтому, если они поднимали восстание, то оно в первую очередь отрицательно сказывалось на системе коммуникаций и обороне, а также приводило к замиранию всей хозяйственной деятельности. В конце мая башкиры Сибирской дороги отказались перевозить «гвоздья и крышечные доски» из Екатеринбурга в Оренбург, строительство которого шло полным ходом. Служилые башкиры и мишари так и не пришли в свои крепости, а тептяри и бобыли уходили с полей, отка-

зываясь на них работать. В августе «бунт» (замечу, что в русском языке это слово чаще всего означает отказ от работы, чем вооруженное восстание) распространился по всей южной Башкирии.

Сам факт отказа от работы уже приводил к серьезным конфликтам. Наряду с башкирами и русскими крестьянами к различным работам привлекалась армия. Поскольку в крае остро ощущалась нехватка рабочей силы, использование в хозяйстве военных было достаточно частым явлением, впрочем, имевшим вполне законный характер¹²⁷. Обычно нерусские работники, самовольно уходя домой, увлекали за собой и соседей. Еще более серьезные последствия вызывал отказ от предоставления транспортных средств. Из-за этого, казалось бы, мелкого факта все крепости в Башкирии внезапно оказались практически изолированными друг от друга.

Разумеется, эти примеры стихийного сопротивления необходимо отличать от активных, заранее спланированных и управляемых действий, предполагавших наличие организованных военных отрядов и опытных командиров. Лишь полукочевые башкиры, имевшие большую свободу маневра и разделенные на группы, могли вести настоящие военные операции. Призывы Батырши («Разобьем тех нечестивцев русских и отбросим, изгоним их из наших земель. Воздвигнем мечети и медресе на наших землях и будем радовать об укреплении веры»¹²⁸), были особенно близки именно им. Вот почему восстание ограничилось юго-восточной частью Башкирии, районом Бугуруслана (верхний Яик), а волнения башкир южнее Осы не вышли за рамки пассивного сопротивления.

Другая причина (она является главной) объясняет, почему движение на юге было более масштабным по своему размаху. Башкирские отряды не могли, конечно, сравниться с регулярными войсками. Вооруженные пиками, саблями, луками и лишь изредка ружьями, они избегали крупных стычек и отступали перед карателями. Военные действия башкир в основном заключались в грабеже русских деревень, нападениях на отдельные горные заводы и истреблении перешедшего в православие нерусского населения. Когда 8 и 9 августа здесь началось восстание, заставшее врасплох русские власти еще больше, чем исетский бунт в мае, оно было быстро подавлено. Восстание охватило территорию вокруг Преображенского и Вознесенского заводов, расположенных на самой границе Южного Урала. Леса охватили пожары, домашний скот разбежался, крестьяне, чтобы не погибнуть, укрылись на заводах, хоть в какой-то мере являющихся защитой. Но как только восстание приблизилось к крепостям, например, к только что построенному русскими Заинску (на реке Зай – притоке Сакмары), гарнизон которого состоял из регулярных войск, бунт пошел на убыль. Дело в том, что восставшим была необходимо достаточно большое пространство на

случай отступления, а его могли составить только горы и степи. Наконец, за Яицкой линией у них была надежда быть хорошо принятыми их единоверцами – казахами, и избежать, таким образом, преследования русскими полками. Продолжительность и успех восстания зависели в конечном счете от отношений повстанцев со степными народами.

Какую территорию охватило восстание? Какие социальные категории и народы в нем участвовали? В какой мере призывы Батырши нашли отклик у мусульман, населявших земли между Волгой и Аралом?

В силу причин, указанных выше, восстание ограничилось лишь южной Башкирией. Но по сравнению с предыдущими восстаниями оно имело интересные особенности как в национальном, так и в социальном плане. В первые же недели в движении 1755 г. объединились множество национальных групп и социальных категорий – татар, башкир, мишарей, тептярей и бобылей, сплотившихся в едином антирусском порыве; это был *массовый протест против российской колониальной политики*. Но повстанцев сразу же разделил социальный барьер: убийства (или его попытки) многих старшин нельзя объяснить только тем, что эти люди рассматривались (впрочем, вполне обоснованно) в качестве агентов русских властей. Имеющиеся источники свидетельствуют, что повстанцы видели в старшинах тех, кто сколотил свое состояние на эксплуатации большинства населения. Таким образом, борьба приняла одновременно и социальный, и национальный характер.

Тем не менее, сам господствующий класс не был однороден. Известно, что правительство с помощью административных мер ослабило старую аристократию, перераспределив ее власть в пользу средних социальных категорий, которые стали самой надежной опорой для России. Поэтому не нужно удивляться тому, что в начале восстания его возглавляли представители именно этого старого феодального строя, для которых победа в борьбе была последним шансом возврата былых привилегий. Большая же часть феодальных лидеров, наоборот, не участвовала в мятеже. Национальный характер движения ослаблялся тем, что некоторые башкиры, воспользовавшись удобным моментом, стали казнить своих соплеменников, может быть, сводя таким образом старые счеты с недругами. В 1755 г. впервые появился тот, кто в Уложенной комиссии 1767 г. представлял интересы башкир – Тухтамыш (Тохтамыш) Ишбулатов. Его блестящая карьера началась, скорее всего, с участия в убийстве старшины Абдюка. Но не было ли это обычным устранением конкурента? Как бы то ни было, приверженность Тухтамыша национальным целям оказалась непродолжительной. Он отошел от восстания, мудро (об этом свидетельствует вся его дальнейшая карье-

ра) решив поддержать правительство, и во главе своих людей неожиданно напал на башкирский аул в Осинском уезде, который должен был вот-вот взбунтоваться. Трудно сказать, что повлияло на резкую перемену его взглядов: были ли это личные карьеристские устремления или обладавший привилегиями Тухтамыш испугался повстанцев, поскольку движение с самого начала приняло социальную окраску. Причиной быстрого поражения движения на северо-западе Башкирии в любом случае являются сами башкиры.

Таким образом, восстание быстро угасло на полиэтничных территориях с многообразием социальных категорий. Оно продолжалось лишь на юге, где башкиры превосходили по численности остальное население, но здесь, как мы знаем, успех зависел от отношений башкир с казаками и казахами. Уже в мае группы башкир (впрочем, малочисленные), перешли границу, чтобы укрыться у своих южных соседей. Ведшиеся в то время переговоры башкирских лидеров с ханами Средней и Малой Орд с целью заключения союза не увенчались успехом. Основной причиной этого являются торговые интересы казахов, и вытекающее отсюда стремление сохранить дружеские отношения с русским правительством. Казахи пытались, в первую очередь, получить право торговать на оренбургских и уфимских рынках. Для них прибыль от торговли была важнее интересов ислама. Если бы башкиры сумели доказать, что представляют для русских серьезную угрозу, то, может быть, им и удалось бы склонить казахов к каким-то совместным действиям. Однако в мае 1755 г. границу с Казахстаном перешли 200 башкир, из которых воинами были только 124! Самое большее, что могли они попросить у казахов – это принять их в качестве друзей¹²⁹.

Именно тогда русские власти в лице Неплюева попытались отрезать башкирам путь к отступлению. В июне 1755 г. капитан Яковлев был послан к лидерам Малой Орды, с которыми начал хитрые и осторожные переговоры. Первоначально речь о выдаче беглых не шла. Российский посланник пытался заставить казахов признать, что башкиры являются их пленниками, а не гостями. Затем он попросил выдать тех, кто представлял наибольшую опасность для России, а сделанные им довольно крупные подношения казахским вождям¹³⁰ обеспечили успех переговорам. В итоге миссия Яковлева изменила ситуацию. В августе к казахам прибыло свыше 10000 башкир¹³¹. Искушение казахов ограбить вновь прибывших было большим, кроме того, оно подогревалось русскими эmissарами. Но казахи не были в этом вопросе единодушны. В Малой Орде имелась пробашкирская партия во главе с неким Кучумом, но она не имела большого влияния. Став рассматривать башкир в качестве своих пленников, казахи напали на них, разогнали и ограбили, а поскольку

те еще пытались сопротивляться, между башкирами и казахами началась настоящая война.

Что касается Средней Орды, отдельные племена которой действовали на границе вместе с башкирами, то она тогда оборонялась от джунгар и калмыков. Таким образом, счастливое стечение обстоятельств и умная политика Неплюева отняли у башкир единственных потенциальных союзников и не позволили им продолжить борьбу. После этого башкиры готовы были признать новый сюзеренитет, на этот раз русского царя, хотя тот и был самозванцем. При необходимости общие цели примиряли христиан и мусульман.

18 августа 1755 г. 800 конных башкир разгромили отряд драгун, который имел глупость отойти на 30 верст от Зилаирской крепости. Это открыло Яицкую линию и способствовало массовому переходу границы беглецами. Немного позже вновь возобновились и продолжались вплоть до середины октября нападения на Вознесенский и Авзяно-Петровский заводы, и даже на крепости Яицкой линии. Но эти действия повстанцев не принесли им успеха: башкирские отряды отступили на юг и попали в плен к казахам.

В августе 1756 г. правители Малой Орды, собравшись на Илеке (т.е. у самых границ с Башкирией), приняли решение выдать находившихся у них башкир русскому правительству. Эта победа царизма позволила ему высвободить необходимые силы накануне Семилетней войны. Чтобы ликвидировать восстание, не потребовалось суровых мер. Отмечу, русские впервые не вынесли ни одного смертного приговора повстанцам, однако несколько тысяч башкир наказали кнутом, направили на принудительные работы на уральские заводы или в помещичьи владения в Центральной России, отдали в армию или на Балтийский флот. Длинные колонны бывших бунтовщиков потянулись не в Сибирь, куда уходили все каторжане, а на запад, теряя при этом по дороге от изнеможения и болезней до 3/4 людей. Таким образом, чтобы облегчить России проникновение в Башкирию, власти массами истребляли башкирское население.

Глава V **ПОКОРЕННАЯ БАШКИРИЯ** **(1762-1798 гг.)**

Башкирия – административная единица и составная часть уральской экономики. – Тухтамыш Ишбулатов и официальная позиция башкир в Уложенной комиссии 1767 г. – Башкирский народ и Пугачевщина. – Башкирские военачальники в армии Пугачева. – Временное соглашение между башкирами и русскими и вынужденное подчинение башкир русским. – Попытка сгладить классовые про-

тиворечия во время Пугачевщины. – Разгром Пугачева и рост антирусских настроений в крае. – Возврат к традиционной экономике. – Разорение и последующее возрождение уральской промышленности. – Колонизация края в конце XVIII в. – Кризис промышленности в регионе и относительная стабилизация процесса заселения Башкирии. – Отражение башкирской истории в устном народном творчестве: Салават Юлаев. – Башкиры на русской военной службе. – Указ от 10 апреля 1798 г. и окончательное решение башкирского вопроса.

Колониальное покорение Башкирии должно было полностью завершиться при Екатерине II, но эти планы нарушило восстание Пугачева.

Пугачевщина не была башкирским движением, хотя башкиры и играли в ней ведущую роль, придав особую специфику, но она спровоцировала новое и последнее башкирское восстание.

К тому времени Башкирия уже не была окраиной страны. Полностью интегрированная в состав Российской империи, она составляла большую часть Оренбургской губернии, основанной, как я уже писал, 15 марта 1744 г. К Башкирии относилась и Исетская провинция. Отделенная от Сибирской губернии в 1758 г., она образовала особую административную единицу с центром сперва в Чебаркуле, затем в Теченске, и, наконец, в Челябинске, маленьком городке, в котором в 1773 г. проживало 736 жителей (из них 432 были военные)¹³². Статус Исетской провинции в течение века постоянно менялся в угоду политическим целям. Экономически она тяготела к Екатеринбургу, но на ее территории проживало немало башкир. В итоге Исетская провинция отошла к Оренбургской губернии. В 1759 г. в Башкирии имелось 42 территориальные волости, распределявшиеся по 4 дорогам; 13 из этих волостей (2 – в Ногайской дороге и 11 – в Сибирской) как раз и составляли Исетскую провинцию, которая в силу своей близости к кочевникам-казахам имела большое стратегическое значение для России.

В 1773 г. Оренбургской губернии передали из Казанской губернии Самару, а нижнеяицкие крепости – Уральск (Яицкий городок) и Гурьев – отошли к Астраханской губернии¹³³. В 1780-1781 гг., в ходе реформы административной системы Российской империи, Оренбургскую губернию преобразовали в Уфимское наместничество, состоящее из Уфимской и Оренбургской областей. Имевшееся в нем значительное число уездных центров свидетельствовало о достаточно высоких темпах колонизации, проводниками которой отныне выступали города. В Уфимской области было 8 уездов (Уфимский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский, Бугурусланский, Челябинский, Белебеевский, Бугульминский), а в Оренбургской – 4

(Верхнеуральский, Оренбургский, Бузулукский, Сергеевский); в имевшую форму полумесяца Оренбургскую область входила вся Яицкая оборонительная линия. В 1784 г. был создан Троицкий уезд, образованный из частей Челябинского, Верхнеуральского и Уфимского уездов. В 1782 г. центром Уфимского наместничества стала Уфа, но отмена системы наместничеств Павлом I в 1796 г. вернула Оренбургу статус столицы восстановленной одноименной губернии, а Уфа стала уездным центром.

В 1745 г. началась индустриализация края. В 1762 г. на Южном Урале насчитывалось 28 промышленных предприятий, из которых 15 были медеплавильными. Крупнейшие заводы находились на юге Башкирии, где было больше возможностей для набора рабочей силы. Около десятка горных заводов (почти все они были медеплавильными) полностью преобразовали систему традиционного полукочевого хозяйства башкир на территории, ограниченной Уфой, Оренбургом, Орском и Верхнеуральском.

Все это нашло отражение в наказах депутатов Уложенной комиссии 1767 г. Как известно, начав работу 30 июля 1767 г. эта комиссия посвятила несколько дней заслушиванию жалоб крестьян и нерусских народов, а с сентября всецело переключилась на рассмотрение проблем дворянства. Однако ее заседания 24, 27 и 28 августа, преимущественно затронувшие землепашцев Оренбургской губернии, позволяют получить достаточно хорошее представление о ситуации, сложившейся в Башкирии накануне восстания Пугачева¹³⁴. Казаки, крестьяне и новокрещены жаловались главным образом на недостаток земли и выплату оброка башкирам. Раздражение вызывали и заводские работы, которые рассматривались как угроза полного закрепощения; этим особенно возмущались новокрещены, поселившиеся в заводских угодьях¹³⁵.

Из этих челобитных мы узнаем, что христианизация в исследуемом регионе шла более или менее успешно. Православие присваивало значительные материальные ценности и постепенно лишало ислам его сторонников. Принявшие христианство нерусские деревни жаловались, что новокрещен поселяют к ним, а не на «свободные» земли. Обращенные в православие протестовали против того, что башкиры, кроме арендной платы за землю, требовали с них оброк по 25 коп. со двора, и заставляли обуустраивать край, в частности, строить мосты. Они также упрекали башкир в том, что те ограничивали им пользование пастбищами и лесами¹³⁶.

Земельный вопрос стоял в 1767 г. на втором месте. Башкирские земли представляли тогда весьма большой интерес как для быстро растущего числа переселенцев, так и для новокрещен, мечтавших увеличить свои владения. Переселенцы полагали, что рос-

сийское законодательство чрезмерно защищает земельные права башкир.

Башкир в Уложенной комиссии представлял депутат Тухтамыш Ишбулатов, о крутых зигзагах поведения которого в 1755 г. я уже писал. Зачитанный им на заседании Комиссии письменный наказ, конечно, мало отражал башкирскую действительность. В тщательно отобранных, смягченных и приглаженных Тухтамышем, вероятно, превратившемся в обрусевшего башкирского интеллигента, робких жалобах башкир не упоминалось о злоупотреблениях властей и «расхищении» земель. В своем выступлении Тухтамыш напомнил о праве башкир на южноуральские земли, и, следовательно, о законности как оброка, взимаемого его народом с крестьян-переселенцев, и компенсационных выплат заводовладельцев башкирам за пользование лесными массивами. О событиях недавнего прошлого – восстаниях – он вообще не упомянул. Башкир, судя по словам Тухтамыша, волновало лишь будущее: они просили, чтобы к ним больше не селили новокрещен¹³⁷.

Однако русское правительство не торопилось удовлетворить требования башкир. Когда новокрещены, проживавшие во владениях заводчиков Твердышева¹³⁸ и Мясникова, попросили переселить их в другие места, опасаясь превращения в заводских крепостных, власти не разрешили это сделать, опасаясь нарушить работу предприятий. Башкирам следовало опасаться не крестьян (как русских, так и нерусских), ранее поселившихся здесь, а новых переселенцев, особенно тех, кто имел землю вблизи завода. К 1770 г. южноуральская горная промышленность находилась на подъеме. Поскольку ее рост означал все большее и большее сужение территории обитания башкир, среди последних началось брожение, и только отсутствие средств и возможностей мешало им начать новое восстание.

Но в октябре 1773 г. башкиры все же взбунтовались, примкнув к восстанию яицких казаков под предводительством Пугачева. Я не ставлю перед собой цель описать историю этого крупного народного движения, полыхавшего на Южном Урале в сентябре 1773 – августе 1774 г. Замечу только, что участие в нем башкир осложнило положение правительства. Новый башкирский бунт очень напоминал прежние выступления: башкиры опять разоряли русские деревни и заводы, и отказывались охранять летом форпосты оборонительной линии. Пугачев с легкостью захватил пограничные крепости благодаря переходу на его сторону их защитников.

Когда Пугачев 1 октября в своем обращении к башкирам одарил их «землями, водами, лесами, домами, ручьями и рыбными ловлями, пашнями и покосами», простые башкиры восприняли его

манифест лишь в качестве разрешения восстановить прежние порядки и уничтожить то, что было навязано русскими. Они тут же напали на деревни переселенцев, новокрещен и на заводы, чтобы ликвидировать все следы промышленности¹³⁹.

Но у Пугачева были совсем иные планы. Да и башкирские вожди и все, кто был вынужден сотрудничать с казачьими атаманами, пока открыто не высказывались о своих целях. Антирусские настроения башкир тогда еще не переросли в насилие. Башкиры просто хотели сменить сюзерена, присягнув самозванцу. Именно поэтому крест и полумесяц нашли общий язык.

Казачьи и староверы были особенно притесняемой правительством категорией населения. В Исетской провинции положение староверов в результате суровых мер, предпринятых против них при Неплюеве челябинским протопопом Ивановым, было крайне тяжелым¹⁴⁰. Немало их работало на горных заводах. Но, на мой взгляд, роль староверов в восстании Пугачева исследователи несколько преувеличивают. Староверы преобладали на тех уральских заводах (Невьянск, Нижне-Тагильск), что оказали наибольшее сопротивление Пугачеву. Правительство преследовало староверов, не входя при этом в заводские ворота. Староверы были настолько покладистыми работниками, что заводовладельцы, помогавшие деньгами православной церкви, умели улаживать эту проблему с воинствующим духовенством. Поэтому положение староверов было примерно таким же, как рабочих людей и православных крестьян.

Что касается казаков (они были православными), то, видимо, в силу их особого статуса за правительство зорко следило за ними. Однако случай с Федором Каменщиковым, игравшим важную роль в волнениях на Среднем Урале в 1764-1766 гг., показывает, что заподозренных в расколе казаков обычно переселяли в другую местность, где содержали под особым присмотром¹⁴¹. Контроль за казаками все же был во многом формальным, так как их сложный состав и отсутствие у них идейного единства не вызывали серьезных опасений у правительства¹⁴².

В конце концов, недовольство казаков вряд ли было вызвано религиозными преследованиями; оно имело иные причины¹⁴³. Союз казаков и башкир на первых порах имел признаки протекционизма¹⁴⁴, объединяющего офицеров для достижения каких-то ближайших целей, – в нашем случае это был переход на сторону нового царя.

С этого времени башкирские вожди уже не могли сдерживать гнев своих народных масс. Впервые в истории казачьи атаманы и башкирские вожди пытались остановить грабежи и убийства русских крестьян. Восставшие восстановили несколько разрушенных предприятий: так, башкирский предводитель Батыркай Иткинин вновь

запустил Юговский завод. Также впервые возник временный союз между русскими (представленными, правда, частью заводских рабочих, а не крестьянским большинством) и башкирами. Но он имел военный оттенок. Всеобщей ненависти к помещикам, заводовладельцам и правительственным чиновникам было недостаточно для сближения русского и нерусского населения, чего так добивались руководители восстания, пытавшиеся ввести в него элементы дисциплины.

Насколько эти меры дали положительные результаты, судить трудно, так как бегство приписных крестьян в свои зачастую далекие деревни и уход многочисленных переселенцев на север уже с осени 1773 г. привели к частичному обезлюдению Южного Урала. Очевидно, что восстание вызвало у людей сильный страх за свою судьбу, поскольку уже с весны 1774 г. русские стали жаловаться Пугачеву на акты насилия со стороны башкир¹⁴⁵. Пополняя армию самозванца своими отрядами, составившими костяк его войска, башкиры, тем не менее, не хотели распространения восстания на север¹⁴⁶.

После ухода Пугачева с Урала союз яицких казаков и башкир распался. Когда 22 марта 1774 г. Пугачев потерпел сокрушительное поражение под Оренбургом и бежал за пределы Башкирии, остатки его власти исчезли. Конечно, какое-то сотрудничество различных социальных категорий повстанцев сохранилось. Более того, оно даже усилилось. Но в тех местах, откуда ушел Пугачев, царила анархия. Башкирские отряды не последовали за самозванцем. Несколько недель Башкирия была полностью независима и в это время башкиры вновь нападали на русских. Именно тогда у башкир появились подлинно самостоятельные общенациональные лидеры. Первое место среди них занимает воин и поэт Салават, сын старого Юлая (один из участников восстания 1755 г., который, несмотря на свой возраст, вновь в 1774 г. взялся за оружие). Но независимость Башкирии вскоре закончилась. Бибиков, нанеся под Оренбургом сокрушительное поражение Пугачеву, прошел через Башкирию, дойдя до границ Яицкой укрепленной линии. В июле 1774 г. царские войска вновь заняли край, неся с собой смерть.

Эта последняя в истории Башкирии война не была восстанием мусульман против России. Укрепленная Яицкая линия, главной крепостью которой являлся Оренбург, успешно отбив атаки Пугачева, сыграла в 1773-1774 гг. ту роль, которую предназначали ей Кирилов и Татищев – она окончательно отделила башкир от их степных соседей. Башкирское восстание 1773-1774 гг., тесно сплотившее как нерусское население, так и отдельные социальные категории русских людей, было чисто внутрироссийским делом. Оно было инициировано извне, став частью пугачевского восстания. Царские власти видели в этом башкирском движении не антирусский, а рос-

сийский бунт. Следовательно, если в 1755-1756 гг. наказание башкир за восстание было относительно мягким, то теперь на них обрушился ужасный террор. В итоге башкиры, погибшие в боях и уничтоженные в ходе подавления Пугачевщины, лишились было силы и уже не могли активно сопротивляться русской колонизации.

* * *

Однако в конце XVIII столетия процесс покорения башкирского народа остановился, поскольку медеплавильную промышленность охватил глубокий кризис, часть заводов закрылась¹⁴⁷ и лесов для их функционирования стало нужно меньше.

Конечно, события 1773-1774 гг. не остановили крестьянскую колонизацию, особенно севера и востока Башкирии. Когда в 1780-х гг. дед русского писателя С.Т.Аксакова, Степан Михайлович Багров, покинул Симбирскую губернию, он, прежде чем переселиться в Оренбуржье, остановился в Бугуруслане, «чтоб порасспросить и разузнать поближе о продающихся землях». Оказалось, что «в этом уезде уже мало оставалось земель, принадлежавших башкирцам»; ситуация была не лучше и в самой Башкирии, в долинах Ика и Демы, где покупка башкирских земель была чревата риском повлечь за собой нескончаемые процессы, «ибо хозяева сами хорошенько не знали прав своих и числа настоящих отчинников»¹⁴⁸. Таким образом, помещики чаще всего селились по среднему течению Белой. Здесь, как и на крайнем востоке края, то есть в бассейне Исети, переселенцы ассимилировали башкир. Насильственная христианизация, скупка и изъятия у башкир земель привела к обнищанию и ассимиляции многих из них, а территория обитания башкир на севере сократилась. Именно здесь строилось много заводов, на которых работал местный полупролетариат.

Что касается восточных и южных районов края, то там, по видимому, численность кочевых башкир из-за трагических событий последних 50 лет значительно уменьшилась. Однако колонизация была здесь довольно слабой. Страх, пережитый русскими переселенцами в 1755 г., жил в их памяти еще долго. Здешние башкиры до сих пор сохраняют свои верования, традиции и систему хозяйствования, которые русские этнологи изучали накануне первой мировой войны несколько старомодным способом – путем сбора фольклора. В этой местности процесс ассимиляции был остановлен, поскольку слабое проникновение сюда русских и упадок на этой территории промышленности позволили сохранить этот последний заповедник башкирской архаики.

После подавления Пугачевщины башкиры больше не угрожали России. Их бывшее величие, национальные чувства и религиозные верования отныне проявлялись лишь в поэзии и устном народном

творчестве, окрашенном меланхолией и прославлявшем вождей, боровшихся с русскими. Главным героем этих прекраснейших башкирских легенд выступает батыр Салават Юлаев (он и сам был поэтом, вдохновлявшим соратников своими стихами). Салават столько «победил неприятеля, что из тел можно было бы образовать гору, не менее любой горы на Урале». Он «есть истинный посланник великого Аллаха и его великого Пророка». Салават «требовал, чтоб его воины в точности держали закон, исполняли намаз и уразу (пост)...., не заимствовали бы чужого обычая», его «позвал к себе царь, благосклонный к народу (т.е. Емельян Пугачев), который воевал с неверными». Салават «умер в чужой стороне, за веру и народ»¹⁴⁹.

Русское правительство, однако, продолжало использовать башкир в военных целях, хотя значение этого факта все же не стоит преувеличивать. С башкирскими вождями больше не церемонились. Башкирская аристократия была обескровлена, а простые общинники ежегодно поставляли русской армии наемников. Но при Павле I выяснилось что яицкие гарнизоны были крайне слабыми, старшинами посылались на службу «бедные и неимущие, следственно неисправные ни оружием, ни лошадьми и частично вовсе неспособные к военной службе» люди, а наиболее богатые и «лучшие» башкиры откупались от военной повинности. Реальной угрозы на российской границе больше не было, однако казахи иногда еще совершали свои набеги, что отрицательно сказывалось на ведении торговли. В конце XVIII в. в Европе постоянно шли войны. России, обратившей взор на восток, необходимо было обеспечить безопасность своих азиатских границ. Именно поэтому был издан указ от 10 апреля 1798 г.¹⁵⁰ Он предписывал (пункт 1) провести перепись башкир, казахов и калмыков в возрасте от 20 до 50 лет, которые могли носить оружие, и распределить их по «кантонам», образовав там полки для охраны ближних границ. Сама укрепленная линия (пункт 2) была разделена на 5 секторов: Устьуйская крепость – Верхнеуральская крепость, Верхнеуральская крепость – Орская крепость, Орская крепость – Оренбург, Оренбург – Уральск (бывший Яицкий городок: после восстания Пугачева Екатерина II переименовала Яик в Урал), Уральск – Гурьев. Кантонный начальник отдавал свои приказания юртовым начальникам, размещенным при полукочевых племенах, и земским исправникам – в деревнях оседлых племен (пункт 3). В каждом секторе линии (пункт 4) начальник принимал полки, собранные по кантонам, распределял их на посты и нес за них полную ответственность. Пункт 5 определял принципы набора: в каждом кантоне старшины должны были собирать дееспособных мужчин от 20 до 50 лет, формировать полки, проверять состояние оружия (пики, сабли, луки и стрелы, ружья) и обмундирование. Каждый человек должен

был привести с собой двух лошадей. Затем шли положения указа, касающиеся распределения военнослужащих вдоль линии (пункт 7), содержания оружейников в кантонах (пункт 8) и полномочий начальников кантонов (пункты 9, 10, 11 и 12). Одно из этих полномочий очень интересно: начальник кантона должен был смотреть (пункт 9) за тем, чтобы военная служба ни в коем случае не нарушала хозяйство башкир; он обязан был поощрять работающих работников по мере надобности, присваивая им привилегии, отнятые у лентяев. К старшинам прикреплялись русские чиновники, которые следили за исполнением населением военной повинности. Чтобы улучшить производительность труда, указ вводил строгий контроль над башкирами. В частности, пункт 12 запрещал любое перемещение жителей кантона без разрешения начальства. Старшина-башкир мог разрешить деловую поездку только в пределах своего кантона. Чтобы поехать в другой кантон, необходимо было получить разрешение кантонного начальника.

Указ сопровождался весьма информативной таблицей, включавшей роспись башкирских и мишарских кантонов (всего 15), имена старшин, число душ или дворов¹⁵¹, а также численность рекрутов. В совокупности эту таблицу можно представить следующим образом:

Башкиры	
Численность	Общее число рекрутов, которых нужно поставить армии
Пермская губерния: 7539 душ (мужского пола)	5413
Оренбургская губерния: 22725 дворов	
Мишари	
Численность	Общее число рекрутов, которых нужно поставить армии
Пермская губерния: 224 души (мужского пола)	1118
Оренбургская губерния: 4702 двора	

Эти цифры вызывают удивление, вынуждая предположить, что, начиная с середины XVIII в. происходит скорее уменьшение, чем рост численности башкирского населения. Учет населения по дворам является весьма приблизительным. Сколько человек составляло 1 двор? В Пермской губернии, где оседлые нерусские народы считались по душам, призывали примерно 3 рекрутов от 40 душ. Допуская, что такая же ситуация была и в Оренбургской губернии, где перепись велась по дворам, мы получим 3 души на 1 двор (речь идет, конечно, о душах мужского пола). Но даже если предпо-

ложить, что¹ двор состоял из 5 душ, то все равно численность башкир в конце XVIII в. не превышала 125000 человек, а мишарей – 25000.

Для того чтобы объяснить такую демографическую стагнацию, нужно вспомнить трагическую историю башкирского народа в XVIII в. Террор, планомерная политика ассимиляции и христианизации не способствовали росту его численности. Но учет 1798 г. не отражал, вероятно, истинного положения вещей. Поскольку мы знаем, насколько приблизительными являются данные переписей, проведенных среди кочевников Южного Алжира в XX в., можно поставить под сомнение и данные, служившие основой для набора башкир на военную службу.

И тем не менее, расхождение между официальными цифрами 1798 г. и реальными было небольшим, ведь башкиры являлись малочисленным народом, что облегчало управление ими. При Павле I башкиры стали нести пограничную службу на южноуральской оборонительной линии. Позднее потребность в пушечном мясе заставила русское правительство набирать полки в своих азиатских районах, и тогда на полях европейских сражений появились башкиры со своим экзотичным, но примитивным вооружением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности колониальной политики России. – Причины кратковременного сближения и непримиримой вражды между русскими и башкирами. – XVIII в. как период проверки на прочность системы русского колониализма в Башкирии.

Политика царизма в отношении башкир обуславливалась национальными интересами Российской империи. «Башкирский вопрос» был тесно связан с отношениями с государствами Средней Азии и развитием уральской промышленности, необходимой для обеспечения военного могущества страны. В течение всего XVIII в. Россия пыталась выжать из Башкирии максимум возможного, нередко прибегая даже к насилию.

Ясак, конфискации лошадей и налог на соль накануне восстания 1755 г. нужны были для пополнения бюджета страны, а экономические возможности башкир во внимание не принимались. Первоначально ясак, который платили башкиры, был невелик, но с введением подушной подати он резко вырос, сделавшись невыносимым. Однако не финансовые тяготы и злоупотребления алчных

царских чиновников при сборе ясака были главной причиной башкирских восстаний.

Главными причинами столетнего конфликта, отмеченного пятью восстаниями (последнее из которых, Пугачевщина, было особенно крупным), являются явления экономического и социального порядка. Протекторат, при котором социальная структура башкирского народа сохранялась нетронутой, был необходим для окончательного покорения башкир в ходе индустриализации и колонизации края.

Полукочевой образ жизни малочисленных башкир облегчил крестьянскую колонизацию, которую, впрочем, царское правительство пыталось в целях сохранения стабильности несколько ограничить. Скупка по низким ценам лесов и пастбищ постепенно сократила территорию кочевков и охотничьи угодья башкир. Широкая практика предоставления земель заводовладельцам, конфискация имущества повстанцев, изъятия скота и истребление феодалов привели к регрессу традиционного хозяйства башкир.

Однако башкирское хозяйство эволюционировало медленно. Башкиры переходили к земледелию постепенно. В ходе этого процесса в регионе разразился экономический кризис, затронувший сначала элиту, но потом перекинувшийся и на простых башкир. Именно он породил все восстания, происходившие после 1736 г. Патриотизм элиты и религиозные чувства всего народа были лишь фоном социальных движений, имевших главным образом экономические причины.

Смогли ли башкиры хоть как-то интегрироваться в новую экономику? Этого почти не было даже в конце XVIII в. Башкиры сохраняли свой традиционный тип хозяйства, постепенно становившийся анахронизмом в регионе, переходившем к земледелию. Конечно, часть башкир уже заготавливала на зиму сено и сеяла хлеб, но она составляла меньшинство. Башкиры все больше и больше втягивались в промышленную деятельность, сохраняя при этом верность своим традициям. Башкиры поставляли на заводы извозчиков и лесорубов, заменяли (впрочем, требуя за это весьма значительную плату) на вспомогательных заводских работах приписных крестьян, живших далеко от завода. Но на самих заводах башкир практически не было. Все путешественники, побывавшие в Башкирии в 1770 г. (И.И.Лепехин и П.С.Паллас), единодушно считали, что они не способны к промышленным работам.

Башкиры ускорили переход к оседлости лишь после 1798 г. Естественно, земледелие развивалось быстрее на севере; на юге полукочевое хозяйство сохранялось дольше, но и там оно все больше и больше становилось «роскошью», доступной только зажиточным семьям, имеющим большие табуны скота. Начало перехода

к этой вынужденной оседлости, вызванный бедностью, относится именно к концу XVIII в. Однако сила традиции замедляла поступательное развитие народа, который пытался приспособиться к новым условиям, вызванным его покорением.

Традиционное хозяйство башкир не изменилось. Сбор налогов и, особенно, постоянные войны и репрессии со стороны царских властей сохраняли дезинтеграцию племен и родов, усиливали недоверие кочевников к городам и крепостям, откуда приходили солдаты и сборщики подати. Кочевание позволяло избегать если не самих налогов, то, по крайней мере, злоупотреблений чиновников при их сборе. Когда в 1635 г. русские власти задумали собрать налог с человека, а не со двора (как это предписывал указ), башкиры, жившие тогда в своих зимних домах, быстро отправили своих жен и детей далеко прочь в юрты. В XVIII в. бегство оставалось для башкир одним из способов избежать закабаления.

Какова была сущность контактов, установившихся тогда между башкирами и русскими? Каковы были чувства, которые испытывали покорители и покоренные друг к другу? Было ли покорение Башкирии Россией прогрессивным явлением?

Ответы на эти вопросы можно получить, проанализировав различия в положении отдельных социальных категорий населения. Процесс обеднения основной массы башкирского народа сопровождался, однако, обогащением – по крайней мере, временным – некоторых его слоев. Представители феодальной элиты – тарханы и батыры – сотрудничали с русскими властями подобно «служилым» татарам. Русское правительство поручило башкирским феодалам сбор ясака и отдало им власть на местах. В результате башкирская аристократия нажила такие богатства, что возбудила ненависть своего же народа. Подобно тому, как русские крепостные крестьяне время от времени хватались за вилы и дубины и шли громить помещичьи усадьбы, восставшие башкиры в XVIII в. вымещали гнев на своих сотниках и старшинах, отбирая у них скот.

Сложность социальной структуры башкирского общества способствовала сохранению между башкирами и пришлым населением различий, преодоление которых могло бы сблизить русских крепостных крестьян, простых башкир, тептярей и бобылей, как, впрочем, и других переселенцев. Но, едва зародившись, социальная солидарность вскоре иссякала. Частично это было вызвано политикой властей, которые, предоставляя привилегии некоторым этническим группам (например, мишарям), разобщали потенциальных повстанцев, делая невозможным всеобщий антирусский бунт. Так, например, мишари всегда помогали царскому правительству усмирять башкирские восстания.

Конфликты затрагивали преимущественно русских и башкир, причем они имели место даже в одних и тех же социальных категориях. Какой же характер носила эта вражда – извечный или приобретенный?

Разница в вере, конечно, не способствовала сближению этносов; башкирский ислам, однако, не является ортодоксальным, существуя с мощными пережитками язычества. Восстанием 1755 г. руководили муллы, но в нем почти отсутствовал мусульманский фанатизм. Религия была той стеной, что отделяла русских от башкир. Русские, осевшие в Башкирии, еще в конце XVIII в. рассматривали этот край как место ссылки, что тонко подметил С.Т.Аксаков: «...переселяться тогда в неизвестную басурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрых слухов, где, по отдаленности церквей, надо было и умирать без исповеди и новорожденным младенцам долго оставаться некрещеными, – казалось делом страшным!...»¹⁵².

Разумеется, человек тяжело переносит расставание с родиной, но в данном случае сказались еще и религиозные убеждения, особенно характерные для простых русских людей, в менталитете которых очень сильны семейные узы.

Хозяйственные различия также разобщали русских и башкир, но это проявлялось по-разному. Даже южные башкиры не были настоящими кочевниками, поскольку зимой они вступали в контакты с оседлыми земледельцами. Существенную роль скорее играли бытовые пристрастия: население, пьющее кумыс, находилось на более низком культурном уровне, чем те, кто воспринял от русских чай. Поэтому в северной части Башкирии, в лесах, башкиры по образу жизни мало отличались от русских, и, особенно, пришедших со Среднего Поволжья татар. Вот почему степень сопротивления башкир экспансии России возрастала с севера на юг, достигая апогея в бассейне реки Белой.

Также надо иметь в виду, что башкиры-скотоводы часто устраивали грабительские набеги на соседей. Разбой издавна являлся у них формой экономических отношений. Царизм безуспешно пытался уничтожить эту традицию. Башкиры нападали на русские деревни (как бедные, так и зажиточные), что мешало сближению обоих народов. Как только начинался башкирский бунт, русские крестьяне бежали под защиту крепких городских стен. Это имело место даже тогда, когда одно из восстаний объединило русских и башкир: в Пугачевщину русские Южного Урала уходили на север, чтобы быть ближе к своим соплеменникам и избежать башкирских разбоев.

Набеги периодически переходили в антирусские погромы, вполне объяснимые упомянутыми выше причинами. Башкиры и русские, ведущие одинаковое хозяйство, в мирное время были конку-

рентами, поэтому сбор меда, охота и использование пастбищных угодий являлись источником постоянных и острых локальных конфликтов между ними. Препятствий, которые бы удерживали оба народа в пределах своих территорий, не существовало. Но те обстоятельства, которые в среде самих русских являлись причиной недовольства и последующих выступлений, у башкир поддерживали дух национального сопротивления, поскольку русские переселенцы были для них «неверными». Таким образом, та ярость, с которой башкиры сжигали русские села и убивали их жителей, вполне объяснима.

Итак, в отношениях между русскими и башкирами отсутствовала всякая классовая солидарность, порожденная сходством социальных условий их существования. Оба этих этноса были враждебны друг к другу, а если у них и имелось некая общая ненависть к феодальным вождям, помещикам и заводовладельцам, то она носила полускрытый характер. Даже Пугачевщина лишь обострила эти непримиримые противоречия.

Однако в ходе пугачевского восстания имел место и союз (каким бы парадоксальным он не казался) между русскими и башкирами, представляющий большой интерес для исследователя. На первом этапе восстания, когда казачьи атаманы и башкирские вожди, то есть (в отличие от простого народа) более сознательные категории повстанцев, крепко держали в руках свои отряды, грабежи русских деревень, начавшиеся с приходом Пугачева, немедленно прекратились. Но через несколько месяцев, когда самозванец был вынужден бежать с Южного Урала, башкиры вновь стали нападать на русских. Следовательно, общность интересов русских и башкир была уделом элиты, а основная масса населения края сохраняла традиционный менталитет.

Говорить о прогрессивном характере покорения Башкирии Россией, или, если точнее выразиться, пытаться обнаружить его непосредственное отражение на людях, также проблематично. Правда, социальная элита башкир, вставшая на службу царизма (дипломаты, шпионы и переводчики, используемые в учреждениях, в ведении которых находились среднеазиатские дела, тарханы и батыры, осуществлявшие власть на местах), постоянно общаясь с местными или столичными русскими чиновниками вскоре превратилась в интеллигенцию. Кроме того, борьба с Россией стимулировала литературное творчество у отдельных вождей башкирских повстанцев; следовательно, русское господство способствовало развитию художественных форм мусульманской культуры, которые имели, однако, тенденцию к стагнации.

Нельзя, однако, отрицать и прогрессивные элементы в российском протекторате над башкирами, особенно в плане создания

экономической основы для последующего развития края. Строительство дорог, связавших Башкирию с центром страны, крепостей, одновременно являвшихся и местами торговли (таким был Оренбург), горных заводов, производивших предметы массового спроса, интегрировали Башкирию в российскую экономику. Но в XVIII в. это было еще малозаметно, поскольку на раннем этапе колониального господства отрицательные моменты для покоренного народа обычно превалируют над положительными. Положительный эффект от покорения Башкирии тогда был незначителен. По своему образу жизни, формам хозяйства и религии башкиры все еще отличались от русских, но их традиционная социальная структура из-за близости русских поселенцев и в силу сходства хозяйственных систем этих двух этносов, уже мало-помалу распадалась.

Специфика образа жизни башкир, живших в условиях постепенно сжимавшегося вокруг них кольца (которое не смогло, тем не менее, его поглотить), была использована русским правительством в ходе наполеоновских войн. После указа 1798 г., который окончательно определил границы территории расселения башкир, их обязали не только охранять Яик, но и нести военную службу во вспомогательных разведывательных полках. При этом башкиры продолжали пользоваться своим обычным и старомодным оружием: «В двух лье от города Ковно, – рассказывал французский офицер на следующий день после битвы под Ельней, – мы столкнулись с двумя башкирскими полками, которые направлялись в действующую армию. Главным оружием у них был лук, за что мы прозвали их “амурами” русской армии»¹⁵³.

Таким образом, несмотря на мощную колонизацию, которая постепенно заполнила Башкирию пришлым населением, башкиры не слились с русскими. Россия не допускала в отношении башкир никаких проявлений расизма, а оскорбительные высказывания о башкирском народе отдельных русских военачальников (например, Урусова в 1740 г.) в ходе подавления восстаний были исключением из правил. «Высшая раса» (русские) не презирала «низшую» (башкир), в отличие от – по крайней мере, в то время, – отношений между покоренными народами и европейскими колонизаторами. Если в заморских колониях европейских стран все представители метрополии ощущали себя по отношению к туземцам хозяевами, то при российской форме колониализма русские проживали с другими этносами в сходных условиях и по соседству друг с другом. Поэтому русское господство над покоренными народами носило одновременно как внутригосударственный, так и колониальный характер.

Однако сходство условий существования не привело к подлинному сближению русских и башкир. Разница в образе жизни и религии способствовала сохранению барьера между ними. Русские

относились к башкирам с некоторым превосходством. Причина этого была в том, что по мере все большей и большей интеграции в российскую экономику башкиры становились людьми второго сорта – прислугой, извозчиками, лесорубами, чернорабочими. Нельзя забывать и о том, что террор, последовавший вслед за башкирскими восстаниями, сильно изменил социальную структуру этого народа. Не соглашения с русским правительством, а частичное истребление аристократии, возглавлявшей борьбу, обескровило башкир. Стагнация уровня жизни, резко контрастирующая с его постепенным улучшением в среде русских крестьян в Башкирии, лишила башкир того уважения, которое они ранее вызывали у русских в силу своего свободного статуса. Наконец, после реформы 1861 г., освободившей русского крестьянина, всякое обсуждение сходства социальных условий русских и башкир стало попросту неуместным.

Но экономическое положение башкир к тому времени несколько стабилизировалось. Крупные конфискации земель, обусловленные строительством заводов, остались в XVIII в. Расхищение башкирских угодий продолжалось, конечно, и в XIX в., но осуществлялось уже в более мягкой форме. Кроме того, российское законодательство препятствовало незаконной продаже и аренде крупных земельных участков. Вот почему история Башкирии XIX в. не представляет большого интереса для исследователя. Упомянувшийся выше указ 1798 г. завершил яркую и в то же время трагическую эпоху в истории этого края и установил ту форму отношений между русскими и башкирами, которая сохранялась все XIX столетие.

Примечания

¹ См.: Устюгов Н.В. В институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1946. №№ 8-9.

² Hudud al-'Alam. P.318-319.

³ Р.Порталь, работавший над своей книгой в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы, придерживается той точки зрения, которая существовала в зарубежной науке в то время. Сегодня считается, что основу башкир составляют тюркские племена при наличии также и финно-угорских компонентов (Прим. пер.).

⁴ Башкиры Исетской провинции, географически тяготеющие к Сибири, составляют отдельную группу.

⁵ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С.59.

⁶ Архивы этого Приказа, как и ясачные книги, не сохранились. У исследователей нет также никаких сведений о российской администрации в этих районах в XVI и XVII вв.; имеются лишь копии наказов воеводам, относящиеся к XVIII в.: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.31 и след.

⁷ Р.Порталь ошибается: Башкирия (Уфимский уезд) вплоть до начала XVIII в. оставалась в ведомстве Приказа Казанского дворца (*Прим. пер.*).

⁸ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.6.

⁹ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.33.

¹⁰ *Попов Н.* Указ. соч. С.162.

¹¹ Наказ 1664 г. уфимскому воеводе Ф.И.Сомову см.: *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.32-33.

¹² В начале XVIII в. российское продвижение в Среднюю Азию положило конец казахским набегам в районе Илека и способствовало тому, что соляные рудники оказались в руках башкир.

¹³ Есть две Закамские линии: более старая тянется вдоль низовьев Черемшана, вторая, построенная в начале XVIII в., расположена немного выше к западу, вдоль реки Сок.

¹⁴ *Попов Н.* Указ. соч. С.162.

¹⁵ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.34.

¹⁶ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.7. В это же время русское население составляло 100000-200000 душ. В начале XVII в. его едва насчитывалось несколько тысяч человек, и может быть, тысяч десять к концу столетия.

¹⁷ *Паллас П.С.* Указ. соч. С.22-24.

¹⁸ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.43.

¹⁹ Имеются в виду татары, мишари, тептяри, чуваша (*Прим. пер.*).

²⁰ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. С.60.

²¹ *Флоринский В.* Указ. соч.

²² *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.39.

²³ Религиозные предводители («муллы») также составляли часть башкирской аристократии.

²⁴ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.9 и след.

²⁵ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.42.

²⁶ Русское правительство вынуждено было принять меры по ограничению роста этой категории подневольных, что стало единственным примером прямого вмешательства царских властей во внутренние дела башкир в XVII в. (*Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.40-41). Но и в 1737 г. все еще имели место жалобы на владельцев туснаков.

²⁷ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.12; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. С.405.

²⁸ Соотношение числа лошадей к числу крупного рогатого скота в башкирских стадах было обычно 2:1.

²⁹ А.П.Чулошников (Восстание 1755 г. в Башкирии. С.12-13) заимствует эти цифры у И.Г.Георги (Указ. соч. С.98).

³⁰ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.44.

³¹ Там же. С.36.

³² *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. С.60.

³³ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.127-128.

³⁴ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.8-9. Окончательное исчезновение малочисленных разбойничьих шаек происходит лишь в XVIII в. Официально казачье войско на Яике было создано в 1736 г.

³⁵ Речь идет либо о беглых крепостных из центральных районов, либо о государственных крестьянах, уже достаточно многочисленных на юго-восточных окраинах империи, которые составляли основной поток переселен-

цев в более богатую Башкирию. Установить причину (например, отсутствие земли) их ухода с мест своего прежнего обитания невозможно. Вероятно, здесь проявились удасть крестьянской молодежи, обычная страсть людей к приключениям, какие-то проблемы в отношениях с властями и т.д.

³⁶ Витевский В.Н. Указ. соч. С.118 и 129.

³⁷ Семенов П.П. Указ. соч. С.196.

³⁸ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.10.

³⁹ Там же. С.13.

⁴⁰ Происхождение самого этого термина неясно. По мнению А.Вамбери, он происходит от глагола «тепте», означающего «бродяжничать» и обозначающего бродяг, закрепившихся в конце концов в башкирских племенах. Более новое и более удачное объяснение (у Топчибаши) выводит «тептярь» от «дефтер» (по-турецки – «тетрадь, регистр») и относит его к тем переселенцам, которые, влившись в башкирские племена, заняли в них самые низшие ступени социальной лестницы и которых российская администрация заносила в специальные списки (дефтерлы – ‘списочные люди’), что свидетельствовало об их особом положении. Но так как их этническая принадлежность была различной, тептяри в конечном счете стали составлять в глазах российской администрации особую национальную категорию. В 1926 г. их насчитывалось 27500 человек, из которых 85% говорили по-татарски, а не по-башкирски. Будучи оседлыми, они постепенно слились с самой высокоразвитой национальностью на севере Башкирии – татарами.

⁴¹ Исследователи относят возникновение этого слова к XV-XVI вв.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т.I. С.181; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т.I. С.98 (Прим. пер.).

⁴² Витевский В.Н. Указ. соч. С.391. Но на севере Башкирии, где татары составляют большинство населения, они не полностью перешли на башкирский язык.

⁴³ Об этом см. ниже. Мы еще увидим характерные примеры солидарности между русскими и башкирами из простого народа, когда будем рассматривать события середины XVIII в.

⁴⁴ Илоты – в Древней Греции прикрепленная к земельным участкам спартиатов часть населения Спарты (Прим. пер.).

⁴⁵ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.57.

⁴⁶ Несмотря на то, что Р.Порталь на протяжении всего текста своего исследования ошибается, считая, что калмыки были мусульманами (в действительности они с XVII в. исповедовали ламаизм), это его наблюдение представляется довольно интересным (Прим. пер.).

⁴⁷ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.65.

⁴⁸ В XVIII в. мы вновь находим примеры аналогичных переговоров с крымским ханом (см. ниже).

⁴⁹ См.: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.78.

⁵⁰ Попов Н. Указ. соч. С.163.

⁵¹ Р.Порталь, вслед за П.И.Рычковым (из которого он, видимо, почерпнул это название), ошибается: «Сеитовское восстание» – это движение 1681-1684 гг. (Прим. пер.).

⁵² Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.71-72.

⁵³ Далее материал изложен по: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.80-101.

⁵⁴ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.103. Кучук продолжал совершать свои рейды до 1667 г., но они больше не были связаны с башкирским населением.

⁵⁵ Об этом наказе я уже упоминал выше. Выдержки из него см.: *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.106; *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.391-392.

⁵⁶ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.391.

⁵⁷ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.12-13.

⁵⁸ *Попов Н.* Указ. соч. С.165.

⁵⁹ *Тхоржевский С.* Социальный состав пугачевщины // Труд в России. Л., 1925. Кн. 1. С.94. Доходы, получаемые правительством с Башкирии, составляли значительную долю российского бюджета. Так, в 1709 г. при бюджете в 3 млн. руб. только ясак из владений Казанского дворца составлял 185000 руб., то есть 6% всего бюджета страны (*Лебедев В.И.* Указ. соч. С.84).

⁶⁰ Один крестьянин за извоз на заводе в начале XVIII в. получал 5 коп. в день или 2 руб. за 40 дней. Стоимость лошади в то время была приблизительно 2 руб. Следовательно, лошадь в Башкирии в то время стоила мало, что, впрочем, характерно для регионов с примитивным хозяйством (цена конской упряжи была там выше стоимости самого животного). Для того, чтобы понять, насколько реквизиции лошадей были тяжелы для башкир, надо знать численность всего поголовья этих животных у них, но пока этих данных нет.

⁶¹ Рассказ об этой экзекуции составляет основное содержание жалобы, поданной башкирами властям в 1720 г., см.: *Попов Н.* Указ. соч. С.165-166.

⁶² *Попов Н.* Указ. соч. С.166.

⁶³ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.128.

⁶⁴ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.67.

⁶⁵ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.14.

⁶⁶ Текст документа от 8 апреля 1720 г. см.: Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 3566.

⁶⁷ Там же. № 4027.

⁶⁸ См.: *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов в 1735 г. М., 1937. С.507.

⁶⁹ О ненависти башкир к заводам ярко свидетельствует тот факт, что после разрушения Полевского завода в 1718 г. башкирский предводитель Чюдар Балагушев прогнал всех его работников и запретил в этом районе любую промышленную деятельность (*Попов Н.* Указ. соч. С.170).

⁷⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 3675.

⁷¹ Она была создана 10 декабря 1719 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3464).

⁷² См., например, указ от 31 июля 1728 г.

⁷³ *Попов Н.* Указ. соч. С.170-181. Закамская оборонительная линия, построенная в конце XVII – начале XVIII века, находилась на самых передовых рубежах – западе Башкирии. Начинаясь от Волги южнее Симбирска, она шла по течению реки Сок через Заинск и Мензелинск, заканчиваясь на Ике недалеко от места его слияния с Камой.

⁷⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4686.

⁷⁵ Там же. Т.VIII. № 5316.

⁷⁶ Запрет, постоянно упоминавшийся на протяжении двадцатых годов. См., например, указ от 9 июня 1725 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4733), в соответствии с которым для того чтобы помешать

бегству к башкирам татарских крестьян на границах Башкирии был расквартирован Вологодский полк.

⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т.VIII. № 5318.

⁷⁸ Указ о ее создании, подписанный Анной Иоанновной 18 марта 1734 г., свидетельствует и о других планах, в частности, о видах России на Среднюю Азию. Но башкирское восстание и трудности, возникшие при строительстве Оренбурга, сорвали проект Кирилова.

⁷⁹ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.390-392; Витевский В.Н. Указ. соч. С.645.

⁸⁰ Алекторов А.А. Указ. соч. С.20-21.

⁸¹ И.И.Кирилов, будучи главой Оренбургской экспедиции, управлял Башкирией в 1735-1737 гг. (умер 14 апреля 1737 г.). Его сменил В.Н.Татищев, бывший директор уральских и сибирских заводов; он был хозяином Башкирии с 1737 по 1739 гг. В феврале 1738 г. Оренбургская экспедиция была переименована в «Оренбургскую комиссию». После отъезда Татищева его преемником на посту командира Комиссии становится В.А.Урусов (занимал эту должность в 1739-1740 гг.). После его смерти краем руководил Соймонов, а в 1742 г. на его место был назначен И.И.Неплюев, который в течение 16 лет занимался развитием экономики усмирённого региона и организацией новой Оренбургской губернии, официально созданной 15 марта 1744 г.

⁸² Все они были помилованы Остерманом (Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.71-72).

⁸³ Из-за трудностей сообщения с западными регионами Оренбург (все это время сохраняя свое название) два раза вынужден был менять свое месторасположение: в 1740 г. город был перемещен на 130 верст к устью Яика (в Красногорское), затем в октябре 1742 г. он был основан на современном и более выгодном месте (Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.249).

⁸⁴ Витевский В.Н. Указ. соч. С.144.

⁸⁵ Там же. С.146.

⁸⁶ Витевский В.Н. Указ. соч. С.150.

⁸⁷ Соседние с Башкирией регионы жили в ожидании войны; в Екатеринбурге Татищев заставил заводских работных людей проводить раз в неделю военные учения и несколько раз в год тренироваться в стрельбе из огнестрельного оружия (Попов Н. Указ. соч. С.168).

⁸⁸ Витевский В.Н. Указ. соч. С.167. Несмотря на всю важность экономических и политических причин восстания, его продолжительность и стойкое сопротивление башкир нельзя понять без учета религиозного фактора. «Священная война», которая объясняет акты грабежа, приняла в данном случае форму религиозной борьбы.

⁸⁹ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С. 45, 47.

⁹⁰ Витевский В.Н. Указ. соч. С.391.

⁹¹ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.65-74; Витевский В.Н. Указ. соч. С.392.

⁹² Изложение проекта Кирилова см.: Соловьев С.М. Указ. соч. СПб.: Общественная польза, 1911. Т.XIV. С.1536; Витевский В.Н. Указ. соч. С.145.

⁹³ Как мы увидим далее, этот пункт проекта Кирилова не был реализован.

⁹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6890.

⁹⁵ Витевский В.Н. Указ. соч. С.393.

⁹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.X. № 7876.

⁹⁷ Главные старшины вновь начнут играть заметную роль при организации волостей в 1738 г.

⁹⁸ Они получали вознаграждение, пропорциональное размерам собираемого ими ясака (решение Татищева от 22 января 1738 г.), см.: *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.41.

⁹⁹ Указом от 9 июня 1737 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.Х. № 7278) эти съезды полностью запрещались и заменялись собраниями волостей, что должно было обеспечить башкирам необходимый минимум административной автономии.

¹⁰⁰ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.27.

¹⁰¹ Говорить о «индустриализации» Башкирии можно с большой долей условности, поскольку она ограничивалась строительством нескольких заводов, достаточно крупных, но очень удаленных друг от друга. Промышленность на Южном Урале так и не смогла достичь таких масштабов, как на Среднем Урале.

¹⁰² Условия соглашения см.: *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.653.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Имелись также факты и обычной продажи, но они были редки.

¹⁰⁵ *Флоринский В.М.* Указ. соч. С.750.

¹⁰⁶ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.40.

¹⁰⁷ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.650.

¹⁰⁸ Там же. С.180.

¹⁰⁹ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.45. Пришлые народы, кроме того, каждое лето поставляли некоторое количество людей для охраны пограничных крепостей.

¹¹⁰ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.47.

¹¹¹ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.395.

¹¹² *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. С.49.

¹¹³ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.422-423.

¹¹⁴ Там же; *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. С.72-73.

¹¹⁵ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.42-43.

¹¹⁶ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.423.

¹¹⁷ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.42.

¹¹⁸ Там же. С.48.

¹¹⁹ *Паллас П.С.* Указ. соч. С.278.

¹²⁰ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.443, 446.

¹²¹ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.48.

¹²² Полное собрание законов Российской империи. Т.ХII. № 8875.

¹²³ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.49.

¹²⁴ Термин «мулла» не всегда обозначает слугителей культа: в Средней Азии и Поволжье он применялся к грамотным людям, знавшим священные тексты ислама (*Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.62, прим. 4).

¹²⁵ *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.65.

¹²⁶ Там же. С.66.

¹²⁷ Пункт 25 указа от 11 февраля 1736 г. предписывал привлекать войска (когда у них нет других задач) к строительству заводов. Но солдат также использовали и на сенокосах.

¹²⁸ Цит. по: *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.55-56.

¹²⁹ Там же. С.92-93.

¹³⁰ Один из казахских ханов получил 600 рублей (*Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.96).

¹³¹ Приводимую обычно исследователями цифру в 50000 следует признать завышенной. А.П.Чулошников, используя новые источники, уточнил многочисленные факты, касающиеся отношений между русскими, башкирами и казачами, до сих пор известные только из «Записок Ивана Ивановича Неплюева» (СПб., 1893): *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.95.

¹³² *Семенов П.П.* Указ. соч. С.490.

¹³³ В 1852 г. Гурьев вновь вошел в Оренбургскую губернию.

¹³⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1869. Т.4. С.91-92, 104-106.

¹³⁵ Факты незаконного привлечения к промышленным работам крестьян различного происхождения, поселившихся рядом с заводами, признала даже Комиссия. Для меня важно, что это распространялось и на новокрещен, уже наполовину ассимилированных.

¹³⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества. С.104.

¹³⁷ Там же. С.106.

¹³⁸ Твердышев – один из основателей южноуральской промышленности.

¹³⁹ Это хорошо показано в упомянутой выше монографии Н. Дубровина.

¹⁴⁰ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.41.

¹⁴¹ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т.II. С.417.

¹⁴² Федор Каменщиков, высланный в Троицкую крепость, сохранил тесные отношения с исетскими крестьянами, которые приходили к нему жаловаться на свои тяготы. О Каменщикове см.: *Семевский В.И.* Указ. соч. С.417 и след.

¹⁴³ Они достаточно четко изложены в уже упоминавшейся мною работе С.Тхоржевского.

¹⁴⁴ Пронунсиаменто – военный переворот в странах Латинской Америки (*Прим. пер.*).

¹⁴⁵ *Тхоржевский С.* Указ. соч. С.100.

¹⁴⁶ *Portal R. Pugačev: Une révolution manquée // Etudes d'histoire moderne.* Paris, 1947. Т.I. Р.86.

¹⁴⁷ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.466.

¹⁴⁸ *Аксаков С.Т.* Семейная хроника // *Собрание сочинений.* М., 1986. Т.I. С.38.

¹⁴⁹ *Игнатьев Р.Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // *Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества.* 1875. Вып.III. С.222 и след.

¹⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.XXV. № 18477 (указ от 10 апреля 1798 г.).

¹⁵¹ Это обстоятельство делает статистику неточной.

¹⁵² *Аксаков С.Т.* Указ. соч. С.40.

¹⁵³ *Parquin D.* Souvenirs et campagnes d'un vieux soldat de l'empire (1803-1814). 2 éd. Paris [etc.], 1892.